Мария Вагатова

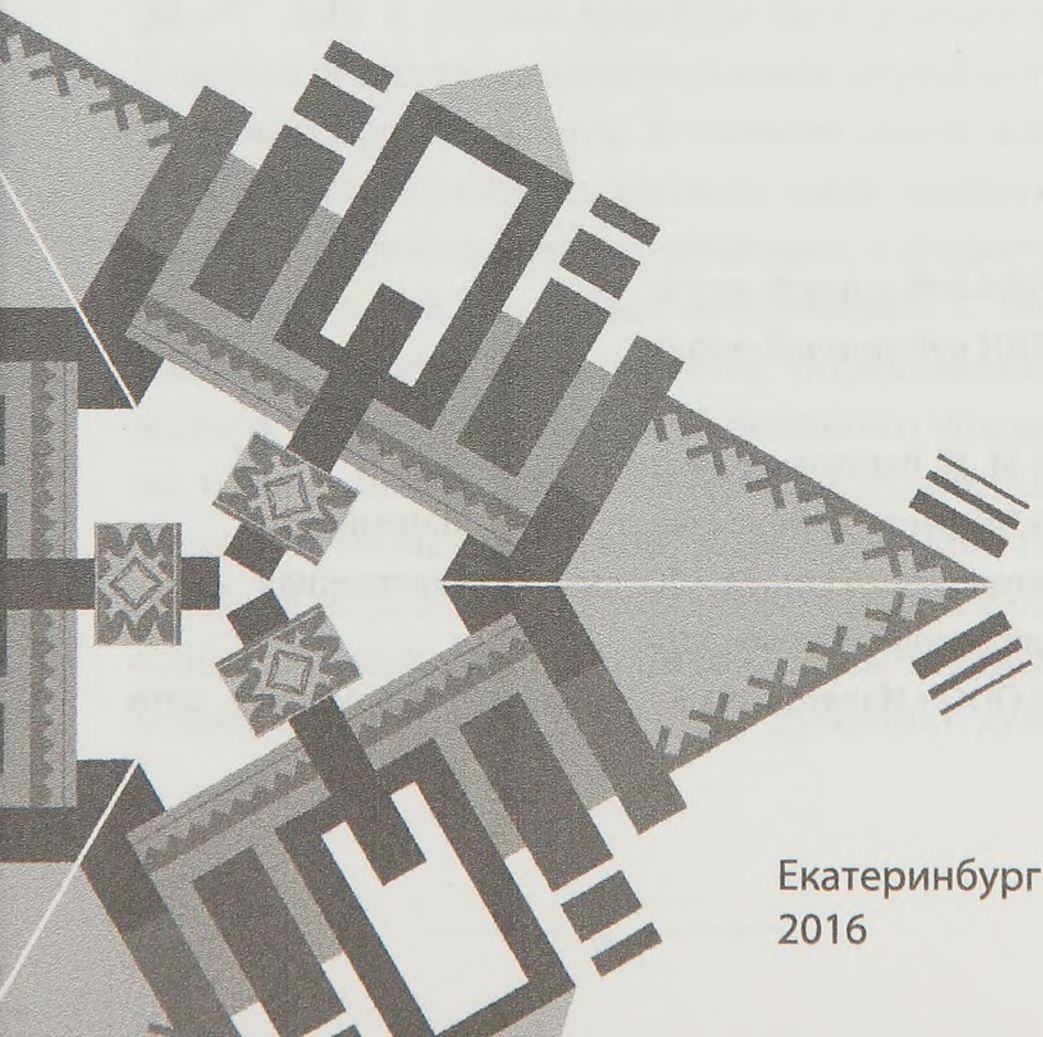
Легенды и сказки

хантыйский калейдоскоп

Мария Вагатова

Легенды и сказки

хантыйский калейдоскоп



Екатеринбург
2016

ББК 84(2Рос=Хат/Рус)6-5
В12

Вагатова М.
Хантыйский калейдоскоп. Кн. 1: Легенды и сказки. – Екатеринбург: Издательский дом Баско, 2016. – 132 с. – ISBN 978-5-91356-329-3.

ISBN 978-5-91356-327-9
ISBN 978-5-91356-329-3

© М. К. Вагатова, текст, 2016
© Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственная библиотека Югры», 2016
© ООО «Издательский дом Баско», оформление, 2016

Цвета её души

Грани творческой деятельности
Марии Вагатовой

Важнейшим способом передачи жизненного опыта предшествующих поколений в любой культуре был фольклор. В любом обществе ценилось умение людей петь, танцевать, рассказывать. В течение своей жизни человек стремился развить свои таланты, овладевал необходимыми знаниями, в старости его жизненный опыт был востребован. С возрастом у людей складывается определённая манера разговаривать, а речь пожилого человека, наполненного духовной силой и мудростью, обычно становится мягкой, выразительной, богатой на изречения. Такие люди всегда имели особое значение для сохранения нравственных устоев хантыйского общества, духовной куль-

туры народа. Мудрость пожилых содействовала определённому положению и продолжению семьи и рода. Именно духовно высоким, нравственно зрелым людям доверялось ведение ритуально-обрядовой деятельности.

Традиция предписывала им помогать всем, кому необходима душевная помощь, посредством искреннего, чистого и честного отношения к людям, особенно детям, женщинам... Как отмечают исследователи, в обществах с традициями коллективизма возраст ассоциируется со зрелостью, политической властью и высочайшей стадией жизни, когда человек служит обществу, передавая знания, жизненный опыт, накопленные духовные ценности. Одной из форм такой передачи были пословицы, поговорки и меткие выражения...

Обладатель образной красивой хантыйской речи, человек с высоким духовным потенциалом, хантыйская поэтесса и сказительница М. К. Волдина (литературный псевдоним Мария Вагатова) с огромным желанием передаёт будущим поколениям богатства родной культуры.

Мария Кузьминична Волдина (Вагатова) родилась 28 декабря 1936 года на реке Курьёх,

недалеко от деревни Юильск Березовского (ныне Белоярского) района Ханты-Мансийского автономного округа в семье оленеводов. Окончила в 1955 году Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище и в 1971 году – педагогический факультет Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. Работала учительницей начальных классов в Казымской восьмилетней школе, заведующей Казымским интернатом Берёзовского (ныне Белоярского) района (1955–1968). С 1968 года – в Ханты-Мансийском педагогическом училище. В 1971 году Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС направил её в редакцию окружной газеты «Ленинская правда» в качестве литературного работника, затем – заместителем редактора по национальному выпуску. В 1974 году М. К. Волдина назначена редактором окружной газеты «Ленин пант хуват». В 1973 году принята в Союз журналистов СССР, в настоящее время член СЖ РФ. В 1991 году организовала отдельную окружную редакцию национальных газет «Ханты ясанг» и «Луима сэрипос», назначена Думой автономного округа главным редактором. В этой должности М. К. Волдина труди-

лась до ухода на заслуженный отдых. Получив общественное признание, Мария Кузьминична постоянно привлекалась и привлекается для чтения лекций по самым насущным вопросам национальной и современной культуры в самых разных аудиториях не только на территории Ханты-Мансийского автономного округа, но и далеко за его пределами.

Весомый вклад М. К. Волдиной сделан в изучении родного хантыйского языка. Её произведения включены во все учебники по хантыйскому языку, а также она один из авторов учебника по хантыйскому языку для педучилищ (ею написан раздел «Лексика»). Авторские песни и танцы М. К. Волдиной исполняются в школах и детских садах, вошли в репертуар самодеятельных художественных коллективов.

Обширные знания М. К. Волдиной, владение методиками их подачи, и прежде всего её стремление делиться этими знаниями с детьми и молодежью, стали основой всей её многогранной деятельности. Участвовала она в проведении семинаров для учителей, работников культуры и т. д. Нет, пожалуй, ни одного населённого пункта в Ханты-Мансийском окру-

ге, где бы М. К. Волдина не побывала. Состоялось множество живых встреч в детских садах, школах, библиотеках, в трудовых коллективах, она – частый гость у инвалидов и ветеранов труда. Участница дней округа, литературно-фольклорных маршрутов по округу, недель детской книги и других мероприятий, проходивших в округе, в России и за рубежом.

За 30 лет журналисткой деятельности она объездила весь наш округ, её знают и во всех маленьких стойбищах и на всех речушках. Все её статьи – это летопись нашего края, в которой с большой любовью отражается жизнь людей разных профессий, национальностей: ветераны войны, носители культурных традиций, охотники и рыбаки, нефтяники и газовики, врачи, учителя, деятели культуры... Она приложила все усилия для решения острых проблем: загрязнение окружающей среды родного края, проблемы села, здоровья населения, молодёжи и стариков, женщин и детей... В её статьях передана боль коренных народов за разрушение традиционного уклада жизни, утрату современным поколением родного языка, потерю духовности...

Словом и делом она доказывает, как надо решать эти проблемы. В более чем полувековой деятельности М. К. Волдиной (Вагатовой) можно отчётливо выделить ряд основных направлений, которые между собой гармонично взаимосвязаны: педагогическое, журналистское, фольклорно-этнографическое, общественно-политическое, литературное. Во многих из этих сфер труд Марии Кузьминичны является пионерным: она первая женщина-журналистка и женщина-редактор хантыйского народа, первая поэтесса ханты. По её инициативе и при непосредственном участии в 1975 году вышла первая пластинка хантыйских песен, вместе с артистами театра «Теремок» ею впервые был поставлен кукольный спектакль по хантыйским сказкам. Она – основатель первого семейного фольклорно-этнографического народного ансамбля «Ешак най», фольклорной школы... Вот далеко не полный перечень дел, которым Мария Кузьминична положила начало.

Воспитание в традиционной оленеводческой среде, в семье сказителей, песельников – важнейший фактор, повлиявший на формирование творческой личности М. К. Волдиной.

Вся её жизнь посвящена сохранению культурного наследия родного народа, передаче его последующим поколениям в новых исторических условиях. В то же время её творчество не замыкается в этих рамках, она видит мир единым, не отделяет себя, свой народ. Ценит в каждом человеке, прежде всего, его духовный мир, высоту и красоту внутреннюю. Ей дорого всё: Родина, природа, наша дорогая планета, а также всё, что наполняет её светом и добротой. Такое восприятие и глубоко почтительное отношение к «бездверному, бесстеному миру, где светят Солнце, Звёзды, Луна и живёт наша Земля», характерно было для наших мудрых предков.

М. К. Волдина получила педагогическое образование. Профессия позволила открыть ей свой внутренний потенциал, природный дар, дала ей возможности для самореализации.

На протяжении всей своей жизни активно занимается общественной работой. Избиралась много раз депутатом в сельские, районные, окружные советы. Вступив в 1962 году в КПСС, была много раз заместителем секретаря, секретарём первичных партийных организаций в селе Казым, в редакции, типографии и книго-

торге. В 1978–1982 годах работала заведующей женотделом окружкома КПСС и секретарём ОК КПСС по идеологии – курировала вопросы здравоохранения, народного образования, культуры и руководила окружной прессой. Особое внимание уделяла вопросам материнства и детства, сиротам, ветеранам тыла и войны.

Первооткрывателями литературного таланта Марии Вагатовой стали хантыйские поэты Владимир Семёнович Волдин (ставший её мужем) и Григорий Дмитриевич Лазарев.

Рождённая в среде сказителей, Мария Кузьминична впитала народные образы, ставшие частью её души, она говорит и мыслит как сказитель. Сложение стихов, песен, сказок стало для неё одним из способов передачи духовных богатств хантыйского народа, открытия их миру.

В качестве информанта, консультанта, эксперта М. К. Волдина выступила для многих учёных: языковедов, фольклористов, этнографов; при проведении кворумов, семинаров, создании на национальной основе произведений искусства...

Как знаток культурных традиций и фольклора она привлекалась для работы в научной

лаборатории, предшествовавшей появлению в Ханты-Мансийском автономном округе НИИ обско-угорских народов. Имеет научные публикации, став постоянной участницей научных конгрессов и конференций. Обширные знания народной культуре ханты у Марии Кузьминичны по оценке ряда учёных не уступают знаниям докторов наук. Член-корреспондент РАН А. В. Головнёв сравнил их с энциклопедией.

М. К. Волдина внесла весомый вклад в общественную жизнь округа и России. Ещё в детстве старики оценили природный дар Марии Вагатовой владеть словом, помогать людям, трудиться на общее благо. Её дедушка Николай Александрович Вагатов предрёк ей судьбу олакуна – так называли духовно красивого и духовно сильного человека, обладавшего силой слова, умеющего вдохновлять, поднимать дух людей.

Родившись в Советском Союзе, свою общественную направленность Мария Кузьминична смогла реализовать не только через социальные роли, существующие в родном народе, но и посредством тех общественных ступенек, которые существовали в советском обществе, пройдя

положенные стадии от октябрёнка, пионерки, комсомолки до коммуниста, от старосты интерната, депутата сельского, районного, окружного советов народных депутатов, секретаря первичной партийной организации, заведующей отделом по работе среди женщин окружкома КПСС до секретаря окружкома партии. Коммунистические идеалы равенства, братства, интернационализма, веры в светлое будущее не противоречили внутреннему состоянию её души, поэтому, когда многие стали легко сдавать свои партийные билеты в годы развала коммунистической партии, распада страны, разоблачений элиты, Мария Кузьминична сохранила свой партийный билет, сказав, что то, во что искренне верила, она не предаёт.

В течение всей своей непростой, сложной жизни она находит силы оказывать поддержку ярким прогрессивным лидерам нашего времени, близким ей по духу, деятельность которых способствует развитию общества. Она сотрудничает с общественными организациями – Ассоциацией «Спасение Югры», Ассамблеей коренных малочисленных народов Севера окружной Думы. Она активная участница

многих предвыборных компаний и не жалеет сил для поддержки тех, кто, по её мнению, наиболее полезен обществу.

Многие годы Мария Кузьминична входила в качестве сопредседателя и члена в Совет старейшин Ханты-Мансийского автономного округа, возглавляла Совет ветеранов при депутатской Ассамблее коренных малочисленных народов Севера Думы округа.

Она внесла также большой вклад в движение финно-угорских народов, где её знают и любят. Была членом Правления Общества финно-угорских писателей, членом Совета старейшин Правления Фонда финно-угорских культур.

Пишет на двух языках: на родном хантыйском и на русском. Печатается с 1968 года. Её очерки, стихи, сказки, легенды публиковались в коллективных сборниках, учебниках, журналах, газетах округа, страны. Автор книг «Ас аланг» («Утро Оби»), «Ай Нёрум Хо» («Маленький тундровый человек»), двухтомника «Ма арием, арием» – «Моя песня, моя песня», «Тёй, тёй» («Баю, баю»), «Материнское сердце» в соавторстве с поэтом А. Керда-

ном, сборника песен «Самем арийл» («Сердце поёт»). Многие произведения М. Вагатовой переведены на языки мира: на русский, чешский, таджикский, узбекский, якутский, венгерский, французский, английский и др. Её работы получили высокую оценку Всероссийских семинаров литераторов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока в Магадане (1982), в Москве (1985), в Пицунде (1990), в Малеевке Московской области... М. Вагатова является членом Союза писателей России, лауреатом Международной литературной премии имени М. А. Кастрена, Всероссийской премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2003), за выдающийся вклад в современную поэзию ей присуждена Всероссийская литературная премия имени Л. К. Татьяничевой (2007), литературная премия Губернатора ХМАО-Югры за 2006 год... Она – лауреат Международной литературной премии «Полярная звезда» (2012)...

Особым разделом в литературной и журналистской деятельности М. Вагатовой являются переводы с русского языка на хантыйский и наоборот – с хантыйского языка на русский произведений поэтов, писателей

России. Выполняла персональные задания по переводу на хантыйский язык Конституций СССР, РСФСР, речи В. И. Ленина на III Съезде РКСМ. Определённый вклад Мария Кузьминична внесла в выпуск книг разных авторов, является редактором восьми книг.

Журналист М. К. Волдина более 25 лет работала на окружном радио и продолжает активно сотрудничать со СМИ по сей день, пропагандируя духовные ценности народа ханты. Участница международных финно-угорских форумов в Сыктывкаре, Кудымкаре, Дебрецене (Венгрия), Будапеште (Венгрия), Эспоо (Финляндия), Ювяскюле (Финляндия), Таллине (Эстония), а также шести Международных финно-угорских фестивалей, пяти Всемирных форумов: в Норвегии, Германии, Японии, Москве и в Ханты-Мансийске во Всемирной шахматной Олимпиаде. Многие из этих событий были освещены ею в прессе. В качестве талантливого поэта и журналиста М. К. Волдина была дважды приглашена в США.

Мария Кузьминична является богатейшим носителем фольклорной традиции народа ханты, прекрасным исполнителем хантыйских

народных песен и танцев, глубоким знатоком народных обычаев, а также активным популяризатором родной культуры. С раннего детства усвоив народные знания, она сумела найти средства выразить их для современного поколения. Организовала выпуск первой хантыйской пластинки «Хантыйские песни» (Всесоюзная фирма «Мелодия» (1975)), участвовала в создании фольклорного ансамбля «Аранг монсьнэ» (1983). А в 1986 году создала свой фольклорно-этнографический семейный ансамбль «Ешак най», получивший звание народного, в 2004 году он стал лауреатом Всероссийского II Сибирского фестиваля-конкурса мировой музыки «Саянское кольцо». Ансамбль многократно награждался различными дипломами, почётными грамотами различных инстанций, ценными призами. В репертуаре ансамбля народные песни, танцы в обработке М. К. Волдиной, её авторские песни, танцы, а также игра на бубне, на природных материалах... Ансамбль выступал в городах, районах округа; детских садах, школах, семинарах, трудовых коллективах; международных, всероссийских, региональных фестивалях, празд-

никах, в Москве – в Колонном зале, в Выставочном зале, на ВДНХ (трижды), в Венгрии (5 раз), в Финляндии (3 раза), в Норвегии (2 раза), в Кыргызстане... Общее количество выступлений ансамбля составляет более 2500. Ансамбль «Ешак най» стал базой проведения детских фольклорных фестивалей в округе, где М. К. Волдина участвует также в качестве режиссёра, консультанта, эксперта. Она является инициатором создания и руководителем окружной фольклорной школы, через обучение в которой прошли многие детские коллективы и их руководители, работники культуры и народного образования различных районов округа.

В 2004–2005 годах совместно с артистами кукольного театра «Теремок» Мария Кузьминична поставила спектакль «Мудрость и тайны Земли обской». В основе спектакля сказка «Зайчик Чёрный хвостик», а также народная сказка «Укашопие» в переводе на русский язык. Вместе с режиссёром, народным артистом РФ Ю. В. Прониным, хореографом М. В. Панковым и учащимися Центра искусств для одарённых детей Севера был создан спек-

такль «Так Молупси. Сказ о земле Югорской» по поэме хантыйского поэта Владимира Волдина, «Жизни День» по произведениям хантыйской поэтессы. Обско-угорский театр «Солнце» поставил спектакль «Хипс-Випс» по сказкам и стихам М. К. Вагатовой. Спектакли поддержаны грантами Губернатора ХМАО-Югры, а зрителями округа радостно встречены и высоко оценены.

М. К. Волдина заслуженно пользуется авторитетом в округе, её труд получил признание в России и за рубежом. Мария Кузьминична неоднократно награждалась почётными грамотами, дипломами различных организаций и органов власти (их более 200). Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.12.1987 ей присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», она награждена медалями «Ветеран труда» (1984), «За освоение недр и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири» (1980), «Маршал Советского Союза Жуков» (1997), за работу с молодежью – юбилейным серебряным знаком ЦК ВЛКСМ «70 лет ВЛКСМ», Орденом Почёта (1996), медалью «430 лет городу Хан-

ты-Мансийску» (2012). В 2005 году ей присвоено звание «Почётный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Она обладатель диплома лауреата в номинации «За сохранение духовного наследия» и ежегодной телевизионной премии «Крылья надежды» ГТРК «Югра» (2012)...

В День печати 13 января 2013 года её многолетний труд был высоко отмечен, она стала обладателем звания «Легенда журналистики Югры».

М. К. Волдина обладает огромным потенциалом, щедро делится со всеми своими знаниями и опытом, вносит весомый вклад в воспитание подрастающего поколения, консультирует студентов, исследователей, работников культуры, образования по вопросам краеведения, искусства, культуры, этнографии народа ханты. Настоящий сборник – является её очередным вкладом в сохранение ценностей родной культуры.

Заслуженный деятель науки ХМАО-Югры,
кандидат исторических наук
Т. В. Волдина

О легендах

В основе легенд всегда есть факт, событие, происшествие. Рассказывают их, чтобы дать наказ, поучить чему-то. Начинаются они почти всегда с таких слов: «Когда-то вот что было...»; «Оказывается, вот что однажды случилось...». В памяти хантыйского народа много легенд, они не все записаны, живут в живом языке, положены в основу традиций, обычаев...

Вот некоторые легенды народа ханты об Огне – Тут Ими.

У Женщины Огня было два глаза

Оказывается, у Тут Ими – Женщины Огня – было два глаза. Огонь сейчас выше ста духов, ста святых, а тогда он ещё сильнее был. Все люди относились к нему с большим почтением, только нашёлся непослушный внук у одной бабушки. Бабушка учила его: «С огнём не играй, ничем острым тыкать в Тут Ими нельзя, ей больно, она обидится...» Но внук не стал слушать бабушку, продолжал обижать святую Тут Ими. Он взял острую палочку, стал тыкать в огонь и попал Тут Ими в глаз – он и лопнул. Это было давно, с тех пор у Тут Ими один глаз, и нужно беречь его больше, чем свой глаз, потому что без Тут Ими невозможно жить.

Огонь надо чтить

Когда-то вот какой случай был. Жили две женщины в разных семьях, у каждой были дети. В одной семье никогда не забывали думать и заботиться об Огне и его доме – чувале, печке, костровище. Вещи все убираются, чистятся, люди молятся. Женщина всегда готовила пищу для Огня: смолистые щепки, стружки, сухую бересту.

Она в любую погоду могла развести Огонь, он отвечал добром, теплом, радостью и нежностью. Другая же женщина, не знают, где она родилась, кто её мать была, совершенно не заботилась об Огне. Если дрова были сырыми и Огонь не разжигался, она ругалась, могла оскорбить его. Однажды она со своей семьёй оказалась в пути, холодная тёмная ночь застала их. Решили ночевать. Огонь ни за что не разжигался, а она продолжала ругать его.

Женщина пробовала менять место, думала: в другом месте можно развести костёр. Так Огонь нигде не разжигается. Когда пришла женщина в отчаяние, вот-вот застынут все: она, дети, муж, – Огонь заговорил: «Вот что, если ты отдашь мне самого маленького ребёнка с люлькой, тогда я разожгусь, а иначе – никогда тебя греть не буду». Женщина вынуждена была отдать ребёнка с люлькой Тут Ими. Это было тоже очень давно, таких женщин уже нет. И вот что надо помнить: Огонь чтите больше самого близкого человека, одаривайте, заботьтесь о нём.

★ ★ ★

С Огнём связано очень много легенд. В жизни народ ханты с Огнём, как с человеком, разговаривает, молится, одаривает, кормит. Это правда.

Окуривание

Окуривание – это изгнание злых духов, вселение добрых духов в дом. Оно производится с помощью Огня, дыма чаги, веток и коры пихты, осины, кусочков меха водных зверей (тюленя, выдры, ондатры, бобра). Используется то свойство, что вода не пристаёт к ним, а лишь омывает, сбегает с них, поэтому их дымом и запахом окуривается дом. Человек, который проводит окуривание, окуривает прежде себя, а потом обходит дом по ходу солнца, начиная от дверей. В роду, семье свои слова обращения, но смысл один: изгнание зла, созыв и вселение в дом добрых духов. Окуривание проводится по-разному в зависимости от ситуации, конкретного случая, события и от его значимости.

Во время медвежьего игрища окуривают помещение, вещи, самих участников, еду, питьё... Используют чагу, пихтовую кору, ветки.

Чтобы вылечить больного, к окуривающим средствам могут добавляться кусочки шкурок водных зверей, а иногда кусочки лап лисы, соболя, белки. Здесь используются свойства острых и цепких когтей. В зависимости от средств, выбранных для окуривания, выбираются и слова молитвы.

Молитва при окуривании, очищении жилища начинается в некоторых семьях, родах так:

Лымат, химат [*],*
Все нечистые духи, злые духи,
Выходите, выходите.
Добрые духи, оставайтесь,
Займите самые заветные места:
Углы в нашем доме, жилище.
Для вас всегда есть место у нас,
Детей наших берегите,
Спасите от бед и несчастий,
Заслоните полой саха,
Прикройте рукавом гуся.

---

* Эти слова не переводятся, имеется в виду всё нечистое, злое и дурное.

Множество крылатых духов –
Всевидящих, всеслышащих,
Множество ножных духов –
Всевидящих, всеслышащих,
Поселитесь.
Если вас не будет, то и жизнь наша
Неизвестно куда и как пойдёт.
Вы, жизнь продляющие,
От вас молим детям светлую жизнь...

Таких молитв много, в каждой семье у них могут быть свои слова.

Карант венш, сутаренг венш

По хантыйским легендам, песням

Дом, где сидит тундровый зверь,
Дом, куда вошёл небесный зверь,
Множество мужчин, вошедших в дом,
Множество женщин, вошедших в дом,
Вы послушайте,
Вы посмотрите.
Множества женщин место для танца
Вон мы открыли, сделали.
Множества мужчин танцевальное место –
Вон мы встали в танец.
Этой деревни святой женщины дочь,
Этого города святого мужчины дочь
Множества женщин место для танца –
Вон она тоже встала.
Множества мужчин танцевальное место –
Вон она тоже пришла.

Руки проворны её,
Красиво и чудно ведёт свой танец.
Ноги проворны её,
Красиво танцует она.
Кисти её красивого платка
Вон как радуют нас.
Края платка с кистями –
Вон как она машет, ими играет.
Я подумываю,
Я надеюсь, что
Этой деревни святой женщины дочь,
Этого города святого мужчины дочь
Имеет лицо, подобное цвету крови зайца – алое.
Ещё я подумываю,
Ещё я надежды ловлю,
Этой деревни святой женщины дочь,
Этого города святого мужчины дочь
Своей суженой
Я буду звать,
Я её буду сватать.
Этой деревни святой женщины дочь,
Этого города святого мужчины дочь
Руками проворными, красивыми
Вон она как танцует,
Ногами проворными, чудесными

Вон она как танцует,
Я подумываю, как увидеть её лицо,
Я надеюсь увидеть красоту её.
Каков цвет её лица,
Каков цвет её тела?
Кончик красивого платка с длинными кистями
Пусть бы зацепился за
Руку мою с пятью пальцами.
Края цветастого платка с длинными кистями
Пусть зацепились бы за
Руку мою с пятью пальцами.
Этого города святой женщины дочь,
Этой деревни святого мужчины дочь
Продолжает проворный красивый танец,
Кончик красивого платка с длинными кистями
За мою руку зацепился,
Кисти цветастого большого платка
Зацепились за мою руку
С пятью пальцами.
Я тут же сдёрнул этот платок!
Дети, ха-ха-ха!
А я-то подумывал:
Этого города святой женщины дочь,
Этой деревни святого мужчины дочь,
Она проворно, красиво танцует.

Руками, ногами проворно она танцует.
Дети, ха-ха-ха!
Подобный дятлом продырявленному дереву
Каранг Венш,
Он, оказывается, сюда прикатил.
Дятлом покарябанный Сутаренг Венш,
Он здесь среди людей, сюда притащился.
Как дятлом продырявленное дерево –
Сутаренг Венш,
Он меня веселит.
Как дятлом испещрённое дерево –
Каранг Венш,
Он меня танцем забавляет.
Дети, ха-ха-ха!
Мне очень радостно и весело!
Мне ведь весело и счастливо от этого!

Эту песню-танец я написала по старинным легендам, песням, инсценировкам, которые помнились с детства, и сохранившимся в памяти отдельным фрагментам.

Говорят, много людей при выборе невест, женихов ошибались. Поэтому в жизни случается, когда юноша в жёны берёт пожи-

лую женщину, а молодая девушка может выйти за старого мужчину. А как они живут-поживают – об этом только они знают.

Говорят, медведь очень много раз ошибался на медвежьих игрищах. За свою жизнь мне приходилось много раз бывать на медвежьих игрищах: в Амне, Юильске, Помуте, оленьих стадах в тундре. Я росла и жила со старшими людьми... Сколько чудесных сказаний, легенд от них слышала, они в моей душе и не могут потеряться. Вот такая песня и вышла, под неё легко танцевать...

Танцуют женщины и мужчины, появляется Каранг Венш, Сутаренг Венш. Он одет в мужскую одежду, на лице берестяная маска, а сверху накрыт большим цветастым платком с длинными кистями. Каранг Венш, Сутаренг Венш должен танцевать женский танец, а когда платок сдёрнут – он танцует мужской шуточный танец, цель его – смешить, развлекать людей.

Хилые и Сяси Ими

Эту инсценировку для медвежьего игрища я написала по мотивам хантыйских сказок, легенд, обычаев.

Хилы говорит Сяси Ими: «Ты, бабушка, сиди дома, помолись нашим богам, святым духам. А я пойду в лес, поохочусь. Может, удача будет, еды принесу. Ведь я хорошо знаю законы предков, обычаи и традиции нашего рода. Дело внука – заботиться о бабушке».

Прощается с бабушкой и, танцуя, уходит в лес, а Сяси Ими поёт святую молитву, прося у духов удачу (поёт первую песню) и стучит в такт деревянной поварёшкой о пустой котёл. А Хилы в лесу добыл дикого жирного хора – самца оленя и говорит: «Не буду я эту тяжесть взад-вперёд носить, лучше здесь съем». Хилы съедает мясо, отдыхает и возвращается к Сяси Ими.

Сяси Ими спрашивает внука:

– Ну, что, Хилые, принёс из леса еду? Добыл зверя?

– Нет! Никакого зверя не видел. Ходил, ходил. Ездил, ездил, только устал, – отвечает Хилы.

– Что же будем делать, Хилы? Видишь, котёл пустой, мой живот проваливается внутрь, – говорит Сяси Ими (показывает на пустой котёл и свой живот).

– Ладно, Сяси, я снова пойду на охоту, может, на этот раз повезёт. Только ты молись как следует, – обманывает Хилы свою старую Сяси Ими.

Снова прощаются, целуются.

Бабушка садится камлать (вся дрожит, поёт вторую песню и стучит), а внук уходит в лес. Танцует (охотится, оглядывается, видит: стоит лось, добывает). Снова говорит: «Не буду я эту тяжесть туда-сюда носить, перетаскивать. Здесь поживу, съем мясо и налегке домой пойду». Ест, пьёт, спит, храпит, отдыхает, потом вспоминает о бабушке. Танцуя, идёт домой.

Снова обманывает Сяси Ими, она из последних сил просит, напоминает ему о долге

внука и говорит: «Как жить дальше?..» Внук снова уходит под третью песню бабушки. На этот раз она вымолила ему медведя. Хилы также решил не носить тяжесть, и один съедает мясо. А в это время Сяси умолкает и падает около пустого котла, умирает с голоду.

– Что случилось с Сяси Ими? Неужели она умерла? А почему она умерла? – обращается он к людям и уходит со сцены.

Выходит на сцену ведущий и, обращаясь к зрителям, говорит: «Эх, горе-внук! Неужели не знаешь, что бабушка с голоду умерла. Испокон веков охотник добычу домой возит, носит, радует свежей пищей стариков, детей, родителей. Таких внуков не бывает, настоящий внук соблюдает законы жизни предков».

★ ★ ★

С детства знакомые обычаи, традиции живут в моём сердце и легли в основу этой сценки медвежьих игрищ, вошедших в репертуар нашего семейного ансамбля «Ешак най».

Мой дед Николай Александрович Вагатов подобное пел, рассказывал, когда отец медведя домой привозил. Я тогда была ребёнком

трёх-пяти лет, но до сих пор слышу эти песни, поэтому решила их оживить и придумала для Сяси Ими слова, чтобы моим внукам можно было петь и танцевать. Впервые эту сценку мы с внуком Павликом показали в Венгрии, это было в 1996 году. В этот же год с родственником Ефимом Николаевичем Волдиным показали в Финляндии, когда ставили медвежье игрище. Затем несколько раз исполняли на концертах. В этой книге я решила выделить медвежьи игрища в особый раздел, чтобы вы имели возможность прочитать, выучить и исполнять их на сцене. Я верю, медвежьи игрища снова займут своё достойное место в жизни нашего народа. «Большие» – святые песни записаны нашими учёными, хранятся в архивах, издаются отдельными книгами, мелодии этих песен тоже записаны. Значит, есть надежда, что эти песни запоют люди следующих поколений, возродят давно забытое. Я верю, придёт это!

Песня камлания Сяси Има

Первая песня

Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох! Ренгхатайе!
Ренгхатайе!
На спине густого леса,
Между рядом стоящих деревьев,
Пусть станет лесной хор-олень
И ждёт стрелу,
выпущенную моим внуком.
Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!

Вторая песня

Хилыео! Холыйео!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!
На горбу высокого холма,
покрытого лесом,

В верховье реки, укрытой
со всех сторон деревьями,
Пусть станет лось-самец.
Пусть ждёт стрелу,
пущенную из лука моим внуком.
Хилыйео! Холыйео!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!

Третья песня

Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!
Что за несчастливый день настал
для нас,
Что за горестное время пришло
к нам!
На водную дорогу встань,
На лесную дорогу сходи.
Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!
В сердце густого, тёмного леса,

В середине высокого холма,
покрытого густым лесом
Святой зверь – сын Бога,
Святой зверь – дочь Бога,
Может, ты ждёшь моего внука,
Может, ты выкажешь себя
моему внуку.
Может, ты обрадуешь наш дом,
Может, сделаешь счастливым
и видным наш дом.
Холыейо! Хилыейо!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!

О святости человеческих волос и ногтей

С раннего детства ребёнок ханты знает этот обычай. Волосы нельзя бросать как попало, куда попало, а надо каждый волос собрать и сжечь – отдать женщине-Огню. Иначе поступают с ногтями. Ногти на руках нужно состричь и тут же спрятать в одежду, ногти на ногах – в обувь.

Волосы и ногти нельзя стричь вечером. Эти правила заведены издревле, нарушать их не позволяется. По этому поводу есть легенда.

...Волосы растут на голове человека так же, как у оленя и лося – рога. Они украшают голову, жизнь человека делают красивой, таким рождается человек, таким Бог посылает его жить, таким велено быть человеку Святой Матерью. Волосы даны человеку, они являются частью его тела, души, потому тоже святые,

живые. Ногти тоже часть тела и души и даны Богом и Святой Матерью. Вот почему надо дорожить ими, нельзя бросать ни один волос. Ногти тоже нужно стричь с соблюдением обычая, и только днём.

Говорят, очень давно жил один человек. Волос, где выпадет, там и оставит, там и бросит. Ему всё равно, когда стричь волосы, будь то ночь, вечер, день или утро – всё равно. Старшие люди ему говорили не раз: «Почему ты так живёшь?! Нельзя волосы и ногти бросать». Никакого внимания не стоили эти советы для него, делал всё по-своему, жил против обычая. Как жил, так и дальше живёт. Слова старших не имели силы для него. Долго ли жил, мало ли жил, пришла пора этому человеку умирать. Вот какое большое дело случилось: не может никак умереть! Сколько мучений перенёс, сколько горя пришлось пережить, но дальше начались самые большие муки. У этого человека мясо кончилось, зашаяло, кости сгнили, но он всё не умирает. Между двумя землями, между двумя водами мучается. Что делать? Позвали Сяртты Ханнэхо – всевидящего, всезнающего, все-

угадывающего человека. Он-то и сказал после камлания, что, оказывается, смерть этого человека застряла в заброшенных волосах и ногтях. Надо найти все волосы, все ногти, которые ему были даны как часть тела и души, иначе его не берут на тот свет, и на этом свете тоже нельзя жить, его время кончилось. Где он их теперь возьмёт?! Кто знает, куда он их посеял, побросал. Сяртты Ханнэхо увидел душу маявшегося человека, который никак не может умереть. Она тоже вся измучилась, ходит, ищет каждый брошенный волос, ногти. Нашла кучу прибранных чужих волос, а его волос нет. А если где-то и найдет, начинает тянуть – они рвутся. Душа витает, ползает, ходит, бегает там, где раньше человек жил, ходил.

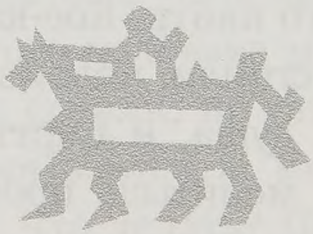
Сяртты Ханнэхо вот что ещё увидел: душа начала искать ногти. Рылась-рылась в куче, не может ничего найти. Кое-как часть ногтей нашла, но они сгнили, поломались... Сколько мук перенесла душа, и Сяртты Ханнэхо пожалел её, стал молиться, просить прощения за грехи человека. Вот с тех пор так и пошло: нельзя волосы и ногти бросать как попало

и куда попало, а надо прибирать, как заведено. Тут Ими – женщине-Огню надо волосы отдавать: когда понадобятся, она вернёт их.

А почему нельзя стричь волосы и ногти вечером? А вот почему: вечер, ночь – это время жизни чертей, тёмных сил, они быстро подберут волосы и ногти, а этим укорачивается жизнь человека на этом свете.

С тех пор прошло много дней, много воды ушло, но в памяти народа живёт эта легенда, накрепко вселилась в душу каждого ханты и передаётся из одной души в другую, из одной жизни в другую жизнь, напоминает о святости человеческих волос и ногтей...

Эта легенда вошла в мою душу от моей бабушки, отцовской матери, Федосьи Алексеевны Вагатовой.



Хлебушко

Жили-были муж с женой. Мужа звали Икилэ, а жену Имилэ. Уж так издавна велось: Икилэ находил себе занятие в лесу или ловил рыбу. Ездит-ездит, приедет домой, сменит износившуюся обувь и одежду, привезёт жене мясо, рыбу, шкурки убитых зверей – и снова в лес. Был он добр к людям.

Однажды жена решила состряпать хлебушко – Няние, уж очень ей захотелось мягкого душистого хлебушка попробовать. Взяла икры, сбила её деревянной ложкой, высыпала последнюю муку в берестяной бачок. Замесила тесто. И грубо, как камень, бросила тесто на сковородку.

Очень обиделся Няние, но ничего не сказал, стал печься. Тем временем Имилэ выстру-

ла остроконечную палочку – и ну тыкать Няние то тут, то там, словно шилом. Пробует – испёкся ли. Няние стал прыгать от боли. То на одну, то на другую сторону повернётся. Больно ему было, очень больно. Жадная Имилэ не успокаивалась – ей хотелось скорее съесть Няние.

– Ждёшь-ждёшь! Пекись скорей! Я есть хочу! – кричала она на весь дом.

Хлеб старался скорее поспеть, зарумяниться, вздрагивая от страшных уколов.

А у Имилэ глаза больше прежнего разгорелись, зубы стали острее, а сердце ещё злее.

– Скоро я тебя съем, Няние! Ты будешь в моем животе! – дразнила она Няние.

Только хлеб поспел, стал румяным и пышным, – Имилэ тут как тут. Хотела ткнуть острой палочкой и поднести ко рту, а Няние – прыг! На столе оказался. Имилэ – к столу, а Няние – на полку с посудой. Полка эта находилась на женской половине дома. Имилэ в ярости бросилась туда.

А Няние покатился в передний угол дома и прыгнул на святую полку, где жил домашний бог. Женщине нельзя было даже касаться этой полочки.

«Здесь Имилэ меня не достанет», – подумал Няние.

Испугалась Имилэ: «Как же я теперь поем хлеба?» Но, забыв обо всём и даже о боге, она с руганью потянулась за Няние. Хлеб засмеялся, изловчился и прыгнул через голову женщины, стал кататься по всему дому и смеяться над грубой и жадной Имилэ. Она старалась его догнать, пока не перебила всю посуду.

Хлеб открыл двери и выкатился на улицу. Имилэ опомнилась, выскочила за ним, увидела собак и сколько есть силы закричала:

– Пурыс, пурыс! Лэвыс, лэвыс! – что значит: «Кусайте, кусайте! Съешьте, съешьте!»

Собаки помчались за Няние. Вот-вот его поймают и съедят. А Няние подумал: «Ведь собаки есть хотят. Они ведь не то что их хозяйка – добрые. А я, Няние, неблагодарный».

Он отломил от себя корочку и бросил собакам. Они схватили корочку и не стали преследовать. Няние тем временем исчез.

Имилэ, беспомощно разводя руками, громко плакала и звала Няние. Но он и слушать не стал её.

В густом ли лесу, в тёмном ли бору сидел Икилэ и варил мясо. Не один бор обошёл, не одну речку переехал – сил не стало, и хлеба нет. Думы тяжёлые, горе гложет сердце.

«Вот Няние бы пришёл на помощь», – сетовал он. Только подумал – глядь: около него сидит Няние, лица на нём нет. Усталый, истыканный чем-то...

Икилэ взял его осторожно натруженными руками, загладил раны на хлебе и поцеловал его. Посадил на самое почётное место у костра. Няние стал весёлым, румяным, пышным и очень хотел, чтобы Икилэ его съел и стал самым сильным и умным.

Икилэ съел Няние, улыбнулся и сразу почувствовал такую силу в руках, в ногах, что мог объехать не одно болото, мог пройти не одну землю. В голове прояснилось, а сердце стало ещё добрее.

Пусть здесь этой сказке будет конец.

Только Икилэ просит вот что запомнить. Няние – это сила людская, да не простая. У кого недобрые сердце и руки – хлеб не даётся им.

Да и я так же думаю: злой человек пусть и близко к Няние не подходит.

Хилы и Ака Чёрное Сердце

На перепутье Семи соров, на перепутье Семи рек жил Хилы со своей бабушкой, звали её Има. Это были самые добрые, самые честные люди, и поэтому земля и воды не жалели своих даров для них, солнце им дни освещало, луна им ночи освещала, людское зло не трогало их сердца.

Очень гордилась Има любимым внуком. Он был умён, ловок, храбр. Какой бы день ни настал на земле, Хилы не сидел дома – он проверял ловушки. Попадал ли зверь, ловилась ли рыба в них, мы не знаем, но одно место, где ловил он налимов с большими и жирными максами, длиною в сажень, знали все люди Семи соров, Семи рек. Если кого застала неудача в пути, если в доме стало пусто и в котле варить нечего было, то Има и Хилы не скупились на помощь. Все счита-

ли, что за добрые души их земля дала им это место.

Так жили они, долго ли – тоже про то не знаем.

Но однажды случилось вот что. Пришёл Хилы к своей налимьей ловушке, глазам не верит, думы и мысли отгоняет, которые тут же подсказывают ему недоброе: кто-то только что проверил морды и всю рыбу взял. Стоит Хилы, а ноги словно сетью опутаны, мимо него бегут то холодные ветры, то тёплые ветры и шепчут ему: «Да, ты не ошибаешься. Недобрый человек только что был тут, проверил твою ловушку и унёс добычу».

Люди Семи соров, Семи рек никогда не слышали о таком, не видели такого.

Стал думать Хилы, как найти этого злодея и как его наказать. В его человеческое сердце не вмещалось чувство, которое принёс этот злой человек, посмевший проверить чужие ловушки. Лицо у него стало белым, как кора берёзы, сердце стало дуплистым деревом. Пришёл Хилы домой к Има. Ни слова не сказав, лёг на свои нары в переднем углу избы. Думы, как ветер, не давали покоя. Ночь про-

шла. Утром чуть свет снова Хилы отправился в путь.

Много ли прошёл, мало ли прошёл, подходит к налимьей ловушке. Снова злой человек опередил его, проверил морды и всю рыбу вынул. У Хилы вместо налимов – пустой кузов и пустой пояс. «В одной голове ума и мудрости мало, надо посоветоваться с Има», – решил Хилы и отправился домой.

– Има, ты старый и мудрый человек, скажи, кто может нарушить закон предков, закон людей Семи соров и Семи рек – ходить росомахой и воровать чужую добычу?

– Кто про это сразу скажет? Ведь рука там не осталась. Но не простят воды, не простят леса, не простят люди человека, потерявшего душу, – сказала мудрая старуха. – Ты не печалься. Если люди днём не увидят этого человека, то нам помогут луна и звёзды, им всё видно с высоты небес, а ты можешь укрыться около ловушки и покараулить, – советовала Има.

Хилы так и поступил. Чуть вечер наступил, Хилы ушёл караулить. Кусты постарались укрыть его надёжно, чтобы злой человек не за-

метил. Ночь проходит, утро приближается. Слышит Хилы скрип полозьев нарточки, насторожился, глаза и уши направил, чтобы увидеть и услышать, кто идёт. Луна стала ярче светить, засверкали звёзды, помогая глазам Хилы.

Пришёл злой человек к ловушке, вытащил из воды морды, вынул налимов с большими и жирными максами, наполнил кузов, крепко привязал его к нарточке, поставил снова ловушку и хотел было отправиться в обратную дорогу, но тут перед собой увидел Хилы.

Хилы сразу узнал его, ещё когда сидел в кустах. Это был Аки, который жил среди людей Семи соров, Семи рек. Сидело в нём Чёрное Сердце: он попавшему в беду первым не протянет руки, никогда к костру не позовёт погреться. Никого не грело его Чёрное Сердце.

Знали это все.

– Ивлап-аслап! – воскликнул Хилы. – Не стыдно тебе, Аки, чужие ловушки проверять? Вот на какие дела ведёт тебя Чёрное Сердце!

У Аки задрожали руки и ноги, как ветки деревьев в большой ветер, лицо стало чёрным, как ночь. Семь раз его подбросило над землёй,

семь раз падал на землю, потом вымолвил нечеловеческим голосом как велело его Чёрное Сердце:

– Это ловушка моя, а не твоя!

Всего ожидал Хилы от этого человека, только не этих слов.

– Это ловушка моя, знают люди Семи соров, Семи рек, знают Небо и Земля! Как у тебя язык повернулся так сказать? – возмутился Хилы.

– Что мне люди Семи соров, люди Семи рек? Знает бог Торум, – процедил с закрытыми глазами Аки Чёрное Сердце.

– Хорошо, приведи своего Торума, пусть он докажет.

Как решили, так и сделали. В условленный час, в установленный день пришёл Аки Чёрное Сердце с деревянным идолом-божком, и Хилы тоже побеспокоился о защите: уговорил свою мудрую бабушку Има сесть в нарточку, надел на неё украшения, платки, платья – преобразилась старуха.

«Сама богиня Вут-Ими пожаловала на спор», – подумал трусливый Аки, увидев разнаряженную «куклу».

Хилы поставил нарточку с Има на горку так, чтобы, чуть покачнувшись, она покатилась вниз.

Аки подошёл со своим деревянным идолом и поставил его у дерева.

– Ну давай, Аки, будем решать, чья всё-таки ловушка налимов. Спрашивай своего бога! – обратился Хилы к вору.

Подошёл Аки к своему идолу и взмолился:

– Всё, что имею, отдам тебе, хочешь, ещё тебе сделаю подарок? – повернулся он семь раз вокруг себя по ходу солнца. – Не обходил я тебя вниманием, полка твоя полна мехов и шелков. Дай знать Хилы, что ловушка налимов моя, она мне оставлена в наследство от предков моих.

Деревянный идол как стоял, наклонившись к дереву, так и стоял. Лицо Аки скривилось от боли, даже зубы оголились, а Хилы так громко засмеялся, что услышали люди Семи соров, Семи рек и решили узнать, что случилось, над кем смеётся Хилы. И собрались в путь.

– А теперь, Аки, моя очередь спрашивать! Подойди сюда, встань перед моей нарточкой.

Пусть эта женщина разрешит наш спор, чья ловушка налимов: моя или твоя. Пусть она наедет на того, кто лгун и вор.

Начала Има раскачиваться, а нарточка стала скатываться под уклон на Аки. Мечется Аки из стороны в сторону, катится вниз, а за ним – нарточка с Има. Над бедным старым Аки Чёрное Сердце стали смеяться воды и леса, ветер и люди Семи соров и Семи рек, успевшие добраться сюда. Не могло выдержать Чёрное Сердце вора, оно лопнуло, и он стал уже человеческим голосом кричать:

– Не моя ловушка налимов, а Хилы! Простите меня, люди, прости меня, Хилы!

И Аки не заметил, как у него появилось Новое Сердце, уже не чёрное, а такое же, как и у людей Семи соров, Семи рек.

Много ли, мало ли воды утекло с тех пор, много ли, мало ли дней и ночей ушло, но Хилы и Има по-прежнему живут среди людей Семи соров, Семи рек.

И мы с ними живём.

Сказитель Пётр Аликов

Ай Нёрум Хо

Хантыйская народная сказка

В этой земле, в том углу земли, где нас не было, стоял чум, не знаем, кем он был поставлен, но многими ветрами он был обласкан со всех сторон, покрыт серебряным нюком из оленьих шкур. В этом чуме жил Ай Нёрум Хо. Когда он был ещё маленьким, руки его не были руками, ноги ходить не умели, гнулись, как ветки черёмухи. Наступил страшный день, пришла беда в этот чум. Откуда в этот день солнце взошло, в какую сторону оно шло? В этот несчастный чёрный день на трёх нартах, запряжённых тремя оленями, приехали люди. Запомнила земля, запомнили воды, что эти люди смотрели одним глазом, а другого у них не было.

Отец Ай Нёрум Хо был смелым и сильным охотником. В доме было много шкурок чёрного зверя, и красного зверя было много – лисиц, соболей. Все они отобрали это. Отцу и матери поломали ноги и руки, привязали их двоих к нартам. В какой угол земли их увезли, что с ними дальше стало, про то Ай Нёрум Хо и сейчас не знает. С тех пор он живёт один. В наследство от отца осталось сотенное стадо оленей, тысячное стадо оленей.

Расти и стать человеком – непростое дело. Ай Нёрум Хо много раз мок под дождём, много раз мёрз под снегом. Но однажды Ай Нёрум Хо почувствовал: ноги ногами стали, сила по его жилам ходит, кровь горячая по его венам течёт. Не поверите, каким красавцем стал, разве только может сравниться с осенним четырёхлетним оленем, у которого новая шерсть искрится, силой мужской налился от сочной летней травы и сладкого белого мха. Ай Нёрум Хо стал таким охотником, каким был его отец. Леса и воды обходит, боры и болота объезжает, встречался и со зверем, и с птицей, но подобных себе он ещё не видал. Все земли вокруг прошёл и нигде не встречал лица мужчины,

нигде не видел лица женщины. Думы и мысли быстрее ветра стали двигаться в голове, одна другую сменяла. «Неужели я один на этом белом свете? – всё чаще спрашивал себя Ай Нёрум Хо. – До каких пор я буду жить в этом углу земли, в этом перепутье вод?» Однажды он решил поехать в другой угол земли, думая, что, может, найдёт себе подобных, увидит лицо мужчины, лицо женщины.

Ай Нёрум Хо с этой думой вышел из своего родного чума. В углу дома висел сплетённый из кожи тынзян, которым отец ловил оленей, сложил он его круглыми петлями в руке и бросил в глубь стада, в одну петлю попались три белых оленя, три белых быка. Запряг он их в нарту. Сложил Ай Нёрум Хо в нарту всё, что нужно для дальней дороги, боевые стрелы и луки. По ходу солнца пошёл за свой родной чум, где был святой угол, где его предки не раз мясо чёрного зверя, мясо лося, дикого оленя варили и угощали богов и духов. Поклонился три раза, семь раз по ходу солнца вокруг себя повернулся, стал лицом к солнцу и подумал: «Долго ли буду в пути, коротко ли буду в дороге, если счастливым родился, то живым вернусь сюда. А если до-

рога несчастливая, мёртвым стану, тогда только в образе духа я здесь вечно буду жить».

Кто знает про это, сказка только начинается. И только сел на нарту, белые три оленя, белые три быка, как большой ветер, сорвали нарту с места, Ай Нёрум Хо только и заметил, как снежный дым окутал дорогу и нарту, оленей, его самого. Летели три белых оленя, а не бежали, Ай Нёрум Хо чувствовал: там, где были высокие холмы, леса, там полозья нарты задевали землю чуть-чуть, а там, где были ямы, речки, там полозья нарты не касались её.

Долго ли летела нарта, коротко ли мчались олени, смотрит Ай Нёрум Хо: река на пути. Остановил он трёх белых оленей, спустился к реке, думы разные передумал и решил в одну из сторон по реке поехать. Снова поднялся снежный дым от быстро летящих белых оленей, быстрого бега белых быков. Заметил Ай Нёрум Хо: чем дальше едет, тем река становится всё шире, берега всё круче, изгибы реки становятся длинными, река стала большой водой, как Ас. Глаз его стал далеко видеть, ухо стало далеко слышать. Вдруг впереди, где новый изгиб реки начался, навстречу ему та-

кая же нарта едет, в неё запряжены три белых оленя, сидят на нарте ему подобные два человека, не едут навстречу, а тоже летят. Когда они заметили Ай Нёрум Хо, они потянули уккел-вожжи, и три белых оленя, три белых быка перешли на рысь. Решил заставить оленей перейти на рысь и Ай Нёрум Хо. Едут навстречу друг другу. Наблюдает Ай Нёрум Хо за себе подобными.

Они приблизились на расстояние летящей стрелы, выстрелянной из пятнадцатислойного тугого лука, остановились, слезли с нарты, Ай Нёрум Хо тоже остановил трёх белых оленей, слез с нарты. Те двое только-только взяли луки и стрелы, Ай Нёрум Хо в тот же миг схватил боевой лук и боевую трёхрогую стрелу. Те двое навели стрелы на него, примеряя, с какого плеча удобнее выпустить стрелу, метились точнее, то одно плечо, то другое плечо выдвигали. Ай Нёрум Хо в тот же миг навёл свою трёхрогую стрелу на них так, чтобы их двоих пронзить одной стрелой. Все трое были готовы сразиться, всё было уже рассчитано, что луки одинаково многослойны, гибки и туги, руки у всех были одинаково крепки

и сильны, стрелы были длинны и быстры. Видно было – как только стрелы тех двух дойдут до Ай Нёрум Хо, его стрела в этот же миг пронзит тех двоих, то место, где их сердца укрыты, где их лёгкие дышат.

Так стоят, только треск, звон луков слышны да как в сильных руках трещат деревянные их слои, кости богатырей хрустят в плечах и в ногах. Долго ли так стояли, коротко ли так было. Потом те двое опустили стрелы и луки, сложили в нарты, уккел отвязали, повернули назад, сели на нарты и полетели снежным вихрем в ту сторону, откуда появились. Ай Нёрум Хо тоже сложил свои боевые лук и стрелу в свою нарту, сел, его белые олени тоже полетели следом за только что исчезнувшей нартой. Ай Нёрум Хо видит – расстояние между следами впереди летящих белых оленей было длиной с его хорей с костяным наконечником. А его хорей был сделан из самой высокой и тонкой берёзы. Он решил посмотреть назад, как его три белых оленя бегут, какова длина их бега.

Оказывается, его олени тоже так же бежали, бег их равнялся длине его хорея с костяным

наконечником. Тогда Ай Нёрум Хо решил догнать переднюю нарту и стегнул передового белого оленя уккелом, остальных путнул хореем. Смотрит на след оленей передней нарты и видит, что те стали ещё быстрее лететь, шаг оленей стал длиной в два-три хорея. Ай Нёрум Хо оглянулся назад: его белые олени делали шаг такой же длины. Ещё быстрее стал гнать своих белых оленей. Летели они, словно большой ветер, вдруг сквозь снежный дым он видит, как дорога сузилась, по какой-то тесной узкой колейке летели нарты. Потом догадался: впереди едущие заехали в стадо, где оленей было больше, чем комаров летом, не сосчитать, сколько сотен и сколько тысяч, олени расступились, как бы перерезали стадо едущие нарты.

Вот по этой узкой и тесной аллее и мчались три белых оленя Ай Нёрум Хо. Вдруг они остановились. Ай Нёрум Хо слез с нарты, стряхнул снег, иней, который его окутал во время быстрой езды, привязал уккел, стал думать, что бы это значило. Кай! Оказывается, те двое только что отпустили своих трёх белых оленей, они всё ещё тяжело дышали, упряжка раскидана, не успели их прибрать.

Ай Нёрум Хо разглядывал нарту, на которой ехали те двое. Полозья были сделаны из столетних берёз, которые растут на высоком бугре, ножки нарт тоже были сделаны из берёзы. Осмотрелся: стоят два чума. Полы нюка чуть приоткрыты, виднеются лица, только никто не выходит из чума, наблюдают за Ай Нёрум Хо. А он не спешит зайти ни в один из чумов. Он не знает, не видел никого, кроме тех двоих. Что за люди? Может, духи? Как с ними быть? Видит Ай Нёрум Хо, что в одном чуме живут люди с одним глазом, в другом чуме такие же, как он, – с двумя глазами. Когда ехал, то тоже заметил, когда стадо расступилось, что в одной половине стада олени тоже были одноглазые, собаки тоже одноглазые. «Может, лесные духи, может, водные боги в этих чумах живут или мне подобные обыкновенные люди, и я к ним приехал! Я нахожусь на таком расстоянии от них, выбора нет – я в их руках. Ладно, зайду в чум, где живут мне подобные, с двумя глазами», – так кружились в голове мысли.

Ай Нёрум Хо покрепче привязал к нарте уккел, посидел на ней, подумал, встал и распряг трёх белых оленей, трёх белых быков, мед-

ленными шагами подошёл к чуму, открыл полу нюки, вошёл в чум. Видит: на одной половине жилища семь нарядных молодых мужчин, семь молодых красивых женщин сидят, а на другой стороне жилища, в переднем углу, седоволосый и седобородый старик со своей седовласой старухой сидят. Они были так стары, из их седых волос птицы сывас гнёзда сделали, а старики про то ничего не знают. В нижней половине этой стороны имеется ширма и висит полог невесты. Посередине приготовлено место жениха, сиденье сложено из белого неблюя, сложено из чёрного неблюя. Стоит Ай Нёрум Хо и ждёт, что будет дальше.

Из семерых молодых нарядных один взглядом и жестом показал пройти и сесть на место, сложенное из белого неблюя и чёрного неблюя, которое приготовлено для гостя. Ай Нёрум Хо прошёл и сел на священное женихово место, где лоснился красивый мех оленя. Никто голоса не подаёт, все сидят молча в ожидании чего-то. Долго ли, коротко ли так было, и вдруг из семерых молодых мужчин четверо соскочили на ноги и вышли из чума. Ай Нёрум Хо слышит, что вокруг чума забега-

ло оленье стадо, тынзяны со свистом летали по оленьим рогам. Через некоторое время четверо молодых красивых мужчин враз вступили в чум, у каждого – по разделанному оленю, мясо тёплое, жирное принесли в свежих шкурах оленьих.

Женщины поставили часть мяса варить, а часть направили есть в сыром виде. Накрыли один семейный стол, другой стол для гостя, поставили на него чашку с сырым мясом и положили два ножа, гостю дали мужской нож, а напротив положили нож женщины. Вдруг седовласый и седобородый старик заговорил на языке Ай Нёрум Хо:

– С какой земли приехал, с каких вод прибыл, я не слышал, не знаю. То ли ты бог, то ли ты дух, но не надо тебе одному жить, надо найти друга жизни – жену, и отведай нашу пищу.

Ай Нёрум Хо вслух не сказал, но подумал: «Я, конечно, очень рад, но где я найду друга жизни, где жену сразу найду?»

И тут из-за ширмы невесты выходит девушка-солнце, девушка-огонь, подсела к столу, берёт женский нож и ест с гостем вкус-

ное оленье мясо. То ли они ели, может быть, и не ели, кусочек мяса брали или не брали они кусочки мяса величиной с мизинец, никто про это не знает, только одно мы узнали – праздновали люди, ели сырое тёплое мясо, лакомились горячим жирным мясом из котла, у которого было семь ручек. И тут седовласый, седобородый старик вновь заговорил:

– Ты, человек с других земель, с другой воды, к нам пришёл с добром, твоё сердце мы видим, но о чём думаешь, знаешь ты один. Та, которая с тобой еду поделила, с одной чашки мясо ела, это наша самая младшая дочь – наше последнее дыхание, нашей жизни конец и начало нашего бессмертия. Солнцем освещённые дни, лунным светом залитые ночи с ней тебе жить. На той половине жилья напротив тебя – это наши семь сыновей, а эти красавицы – их жёны.

Старик замолчал, закрыл глаза, видно было: ждал ответа.

– Дума у меня одна, отец. Ищу друзей и ту, без которой нельзя на свете жить. Без неё солнца свет холодный, луны свет не искрится, – сказал Ай Нёрум Хо.

Седовласый, седобородый старик снова открыл глаза и сквозь вековые усы продолжил речь:

– Слушай, Ай Нёрум Хо, моё дитя, ты сегодня долго стоял на улице, разглядел наши чумы, стада оленей, собак. В том чуме живут одноглазые люди, собаки одноглазые, олени тоже одноглазые, живём рядом многие сотни лет, а друг друга не знаем, видеть не хотим, враждуем. Стоит только взглянуть друг на друга – всё, беда, сразу боевые наряды надеваем, боевые многослойные тугие луки готовим, трёхрогие боевые стрелы берём, встаём друг против друга перед смертным боем. Бой идёт до тех пор, пока ни одного живого человека не останется. Об этом помни, дитя, ни одним взглядом не одари их, – старик сказал эти слова и снова закрыл глаза.

Ай Нёрум Хо хорошо запомнил слова старика, поклялся в душе никогда не смотреть в сторону того чума, где живут одноглазые. Ай Нёрум Хо радовался так, как никто ещё не радовался, женился на девушке-солнце, с девушкой-огнём стали дневать и ночевать, одну жизнь повели. Семеро братьев и их

жёны стали ему тоже родными братьями, их жёны стали сёстрами.

Жизнь идёт в радости, и жило счастье в каждом сердце. А сказка продолжается. Они из песен люди, надо дальше вести сказку.

Однажды старший брат стал собираться в дорогу. Ай Нёрум Хо ему говорит:

– Ты, старший наш брат, куда-то собираешься далеко съездить, возьми меня в путь, хочу дали посмотреть.

– За семью болотами, за семью борами есть березняк из ста сочных берёз, из тысяч сочных берёз, там есть земля, где растут тысячи белоствольных берёз, там водятся дикие олени. На них хочу поохотиться. Хочешь – поедем, – ответил старший брат жены – Уп.

Ай Нёрум Хо собрался, оделся, вышел из чума.

Старший сын седовласого, седобородого старика бросил сплетённый тугой тынзян в глубь стада. В одну петлю три лёгких, как птицы, оленя попались. Запрягли их, охотничьи луки и стрелы сложили в нарту, олени тут же полетели, только снежный дым поднялся за нартой. Видит Ай Нёрум Хо: где кочки, буг-

ры, леса, горы, там полозья нарты чуть земли касаются, а болота, ямы, реки, озёра остаются под ними. Старший Уп потянул уккел, олени остановились, взял лук и стрелы.

Ай Нёрум Хо тоже увидел трёх диких оленей, которые стояли на расстоянии летящей стрелы, пущенной из лука. Уп сказал:

– Двух я на свою стрелу беру, а ты одного из них на свою стрелу бери.

Как договорились, так и сделали. Враз полетели две стрелы со свистом и воем бури, и три лесных оленя, три диких зверя, упали, как срубленные деревья. Уп сложил лук и стрелы в нарту, еле-еле успел сложить в нарту свой лук Ай Нёрум Хо, думает: «Что за охота! Мясо, шкура оленей пропадут зря, хотя бы сырой печени поесть». Уп догадался и, улыбаясь, ответил:

– Если хочешь сырой свежей печени, то дома найдёшь.

Приехали в родной чум, зашли, Ай Нёрум Хо глазам не верит: три туши диких оленей, мясо трёх лесных зверей, то ли на крыльях перенеслись, то ли по земле их привезли, какими-то силами, чьими-то руками раздела-

ны. Женщины варят, на столах много тёплого вкусного сырого мяса, печени. А в котле, который имел семь ручек, за которые могли поднимать его на огонь семь женщин и снять с огня могли семь женщин, варилось жирное мясо.

– Ну, кто хотел печени? – спросил старший Уп...

А жизнь дальше идёт, сказка здесь не кончается. Наступил такой вот день.

Собрался в дорогу средний Уп. Ай Нёрум Хо с ним снарядился, сложил в нарту свой лук и стрелы. Уп бросил свой сплетённый из кожи тынзян в глубь стада, и в одной петле – три серых оленя, три серых быка, запрягли их. Только сели на нарту, как олени помчались, подняв снежный дым. Поехали на ту же землю, где росли сто белых берёз, где росли тысячи сочных красивых берёз, та земля была за семью болотами, за семью озёрами, и там решили поохотиться на лосей. Быстро летели три серых оленя, под нартой ветер свистел, над нартой ветер выл и вихрился снег. Вдруг Уп потянул уккел, олени остановились, схватил лук и стрелы.

Ай Нёрум Хо тоже увидел пятерых лосей и тоже схватил свой охотничий лук и стрелы.

– Я на свою стрелу трёх лосей возьму, а ты на свою стрелу возьми двух других лосей, – только Уп это сказал, и две стрелы птицей полетели, и пять лосей разом упали на землю. И тут же Уп сложил лук и стрелы в нарту, схватил уккел, дёрнул его, три серых оленя вихрем помчались по обратной дороге.

Ай Нёрум Хо еле-еле успел ухватиться за нарту. «Что за охота? Опять мясо, шкуры оставили в лесу, я бы вкусный мозг из костей длинных ног лося поел», – подумал Ай Нёрум Хо.

Уп угадал его думы и, улыбаясь, говорит:

– Ладно, не горюй, приедем домой, может, наедимся.

Приехали в свой чум, вошли в него, и видит Ай Нёрум Хо чудо: все пять лосей уже разделаны, женщины в том же котле, который могут поднять на огонь семь женщин, сварили лосиное мясо, полные чаши горячего вкусного мяса стоят на столах, и пар уже отходит от них для домашних богов, духов. Поели, попили. С тех пор Ай Нёрум Хо каждый раз ездил на охоту с одним из семерых братьев жены.

Однажды седовласый, седобородый старик сквозь вековые седые усы вновь заговорил:

– Ты, Ай Нёрум Хо, наш дорогой зять, рос на отдельной от нас земле, ты не видел подобных себе. Кто тебя научил охотиться? Смелый охотник, удачливый человек ты, – хвалил старик зятя и снова надолго закрыл глаза.

А сказку надо продолжать.

Однажды утро светлое наступило, все проснулись с первыми лучами солнца. Что этот день принесёт, никто ещё не знал. Может, сказке был бы здесь конец, если бы не было этого дня, если бы не наступил этот день.

Собрался на охоту самый младший из семерых братьев с Ай Нёрум Хо.

– Сегодня мы с тобой лесного зверя искать поедем, дикого зверя добывать съездим, если согласен, то собирайся, – обратился самый младший брат жены к Ай Нёрум Хо.

Как всегда, собрались в дальний путь, в дальнюю дорогу – за семь болот, за семь озёр, где стоят сотни сочных белых берёз, тысячи светлоствольных берёз, за чёрным зверем, за соболем и лисицей.

Младший Уп собрал тугой тынзян и сильным броском кинул в глубь тысячного стада оленей, он со свистом пронёсся и три трёхлетних чёрных оленя одной петлёй подтянул к упряжке. Запрягли трёх чёрных оленей, трёх чёрных трёхлетних быков, в нарту луки и стрелы сложили. Уп дёрнул уккел, и три чёрных оленя подняли нарту над землёй в снежное небо, со всех сторон со свистом бежали ветры за ними. Там, где горы, холмы и леса, – нарта чуть-чуть касалась их, а болота, реки, озёра оставались под летящей нартой.

Вдруг в одном из снежных полей, в одном из болот, где были высокие сугробы, такие же, какие по всей большой земле, кто это место придумал и зачем, три чёрных быка, три чёрных оленя перешли на рысь. Исчез снежный дым, глаза стали далеко видеть, уши стали далеко слышать. Видит Ай Нёрум Хо, как одноглазый человек ходит на лыжах, охотится на куропаток. То налево стрелу пустит, то направо стрела летит. Там куча белых куропаток. Вдруг Ай Нёрум Хо вспомнил наказ седовласого, седобородого старика и воскликнул:

– Кай! Золотое солнце! Что я наделал. Я же загляделся на одноглазого охотника.

В этот же миг, в это же время одноглазый из-за сугроба уже начал пускать стрелы на них. Уп завязал уккел, схватил лук и стрелы и встал против одноглазого на расстоянии летящей стрелы, выпущенной с богатырских плеч из тугого лука.

Долго ли длился стрелочный бой, мы не знаем, а о том, что он был смертельный, знаем. Какой твёрдости была стрела, чьей рукой была она сотворена, сколько слоёв имел тот лук, из которого была выпущена эта стрела, чьей рукой она была сотворена, эта стрела, сколько сил было у того, кто пустил эту стрелу, про это нам не надо знать. Эта злая стрела пронзила грудь младшего Упа, где у него только что билось богатырское сердце, только что дышало сильное лёгкое, упал он на белый снег, и вокруг всё залилось горячей кровью.

Одноглазый не сложил лук и стрелы, начал пускать стрелы в сторону Ай Нёрум Хо. Тот стал отбивать стрелы, не ввязывался в бой. Момент улучил, дёрнул уккел и помчался ветром обратно известить своих о случившемся.

Остановились три чёрных оленя, встали три чёрных быка возле родного чума. Ай Нёрум Хо кинул взгляд и увидел одноглазых. Оказывается, семь одноглазых уже боевые наряды надели, луки и стрелы в руках держат, от злости концы луков грызут.

Ай Нёрум Хо отпустил трёх чёрных оленей, распряг трёх чёрных быков и быстро зашёл в чум, сел и говорит:

– Беда пришла в наш чум, беду эту я принёс в дом. На одноглазого посмотрел, он убил нашего самого младшего брата...

Он слово своё ещё не закончил, все шестеро братьев встали в рост, надели боевое снаряжение, взяли многослойные боевые луки и трёхрогие стрелы и вышли из чума.

Вслед за братьями жены Ай Нёрум Хо тоже переоделся в боевое снаряжение, взял свой тугой, из многих деревьев сделанный и склеенный боевой лук и стрелы, тоже вышел.

А там уже встали грудь к груди, лицо к лицу через стрелочное поле одноглазые против шестерых братьев. Ай Нёрум Хо отошёл в сторону, сел на нарту. Стороны приготовились выпустить стрелы. Скрежет, треск от лу-

ков отдаются за три земли, за три неба. Так потянули тетиву от луков, даже слышно было, как кости и жилы трещали, со свистом и шумом летели стрелы с костяными и железными наконечниками с обеих сторон. С каждой пущенной стрелой лилась человеческая святая кровь, по одному воину падало на землю. Долго ли длилось это страшное кровавое дело, мы про это не знаем, только в живых остался один одноглазый. Земля была залита густой кровью, земля уже не поглощала кровь, красное озеро лежало на земле.

Одноглазый повернулся в сторону Ай Нёрум Хо и стал посылать смертоносные стрелы в него. Ай Нёрум Хо стал отбивать своим луком стрелы одноглазого то вниз, то вверх, то влево, то вправо. Долго ли они боролись, мы не узнаем, но терпение Ай Нёрум Хо вышло и тут он сказал:

– Ивлап! Аслап! Что тебе от меня надо? За мать мстить или за отца месть тебе нужна? Я тебе ничего плохого не сделал, и так сколько крови на земле. Это я должен тебе отомстить за зло, которое сделали мне твои предки, они мою мать и отца убили, сначала руки и ноги

им сломали, а потом увезли на съедение лесным ли зверям, водным ли зверям. Я даже про то не знаю, остался я в берестяной люльке на моховой постели, руки не были руками, ноги ещё не умели ходить, были гибки, как ствол черёмухи. Теперь я чувствую неизмеримые силы, руки руками стали, жилы крепко связывают моё тело, кровь горячая ходит по венам. На моих глазах вы убили братьев моей жены. Я готов с тобой сразиться, посмотрим, кто сильней.

Ай Нёрум Хо встал на ноги, отошёл от нарты, лук примерил то с правого плеча, то с левого плеча, взял одну крепкую стрелу без единого рога и с правого плеча потянул тетиву боевого лука, почувствовал, как жилы в плечах рвались, лук, словно лёд, трещал, и стрела полетела туда, где у одноглазого в груди билось сердце, где только что дышало лёгкое, и пронзила насквозь его.

Последний одноглазый упал в кровавое озеро. В этот миг из чума, в котором жили одноглазые люди, выбежала женщина, ростом с зайца, у неё было два глаза, одета была в одну заячью шкурку, поэтому её звали Йи Шоварсух

Кумал Имие. На этот раз на ней было боевое снаряжение, только платок на шею привязала. В её руках лук и стрелы сверкали и искрились огнём, и говорит вот так:

– Моих семерых братьев убили, посмотрим, как со мной справишься. Мою злость, мою силу ты ещё не знаешь, я тебе покажу месть за отца и за мать, ишь чего захотел.

Ай Нёрум Хо и Йи Шоварсух Кумал Имие вступили в стрелочный бой на этом же кровавом поле. Долго ли длилась борьба, может быть, недолго, только никто из них не может выпустить смертоносную стрелу, ни одна стрела не может попасть в цель.

Тогда Йи Шоварсух Кумал Имие забежала в свой чум, снарядила в боевую одежду семерых своих одноглазых снох и седовласых старцев и вывела в бой. Только они вышли, Ай Нёрум Хо послал одну только стрелу и одной этой стрелой пронзил их насквозь. В это время Ай Нёрум Хо забежал в свой чум и вывел в бой жён убитых братьев и седовласых стариков, тоже снарядил их в боевое снаряжение, в руках у них были луки и стрелы. Только вышли, Йи Шоварсух Кумал Имие пустила одну стрелу

и всех насквозь пронзила. Снова Ай Нёрум Хо и Йи Шоварсух Кумал Имие вступили в единоборство, в руках луки и стрелы, их разделяло кровавое озеро, которое образовалось на поле сражения. Долго ли они стояли друг против друга, может, недолго, день стал вечером. Йи Шоварсух Кумал Имие почувствовала, что силы уже покидают её, в теле не чувствует своих костей и жил. Стала пятиться назад и хотела зайти в свой чум, и тут застала её стрела Ай Нёрум Хо и насквозь пронзила.

Ай Нёрум Хо повернулся, зашёл в свой чум и говорит жене:

– Силы меня покидают, ослабли жилы в моём теле, я немного посплю, а ты тем временем сшей на мои пальцы кожаные чехлы, если услышишь шум, меня разбуди, – сказал эти слова и тут же уснул.

Жена посмотрела на руки мужа и испугалась. На них не было кожи, мясо кусками свисало, кости пальцев держались на сухожилиях, сразу же села за шитьё со слезами, великим горем сердце наполнилось.

Спал муж так крепко, будто его боевым костяным каваром по голове стукнули. Быстро

ночь пролетела, и чуть светать начало, жена успела сшить чехлы на пальцы мужа. Слышит: идут с войной большие силы, много народу. Жена разбудила мужа, Ай Нёрум Хо быстро вскочил на ноги, на все пальцы надел кожаные чехлы, взял свой боевой лук и стрелы, вышел навстречу войску.

Видит: приближается сто человек с луками, стрелами. Во главе сотни идёт Йи Шоварсух Кумал Имие, цела и невредима, платок на шею подвязала, лук и стрелы в её руках переливаются золотом и искрятся. По сто стрел пускают против Ай Нёрум Хо, против его каждой одной стрелы, а он их вверх бьёт, другие вниз бьёт. От каждой стрелы, пущенной из лука Ай Нёрум Хо, падает пять-десять человек. Долго ли стрелы свистели, трещали тугие луки, но снова Ай Нёрум Хо и Йи Шоварсух Кумал Имие остались одни друг против друга, лук против лука, стрела против стрелы, их разделяло кровавое озеро, которое ещё больше разлилось.

Долго стрелы летали, долго боролись, посылали стрелы со злом и смертью, но ничего не могут поделать. Ай Нёрум Хо пустил стре-

лу из тугого лука с правого плеча и пронзил Йи Шоварсух Кумал Имие повыше пояса, и её отбросило на расстояние летящей стрелы, пущенной из боевого тугого лука богатырской рукой. Ай Нёрум Хо повернулся и вошёл в свой чум, чувствует, что силы уже на исходе, кости не держат тело, жилы ослабли и не могут удержать его костей.

– Я немного посплю. Если услышишь ещё шум, то меня разбуди, – сказал и положил голову на белого неблюя, свёрнутого женой специально, тут же впал в забытьё.

Жена посмотрела на мужа и не узнала его – всё тело было чёрное от ран, превратилось в живое мясо.

Что она может сделать, как уйти от этого горя, как беду бы отвести, смотрела и горько плакала, слезами омыла раны мужу. В это время вдруг она слышит: земля дрожит от тяжёлых шагов, разбудила мужа. Ай Нёрум Хо быстро вскочил на ноги, переоделся в боевую форму, взял стрелы и лук и сказал жене вот так:

– Теперь мой последний бой, если выдержу, то будем с тобой продолжателями жизни, солнце всегда будет нашим, луна тоже бу-

дет нашей. Если не выдержу – стану пищей для птиц, злые звери подберут, – обнял Ай Нёрум Хо жену и вышел из своего чума. Видит: во главе трёхсот вооружённых луками и стрелами людей идёт Йи Шоварсух Кумал Имие, жива и здорова, платок на шею повязала.

Ай Нёрум Хо с левого плеча примерялся и с правого плеча примерялся, в плечах кости трещали, жилы рвались, когда стрелы выпускал из боевого лука. Треск лука, свист его стрел за семью болотами были слышны, за семью лесами слышны, из лука выпущенной стрелою пронзал по десять-двадцать стрелков. Долго ли шёл этот бой, коротко ли шло это сражение, мы не знаем. И снова Ай Нёрум Хо и Йи Шоварсух Кумал Имие остались одни. Много стрел друг против друга послали из луков. Стрелы кончились, луками стали биться. До тех пор бились, пока многослойные тугие луки не переломились.

Зло настолько было горячим и кипело, что они вцепились врукопашную. Долго бросали друг друга, никто не мог да и не хотел уступить. Йи Шоварсух Кумал Имие вдруг почувствовала, что силы уже покинули, жилы

не держат спину, ноги и руки, тогда она превратилась в гагару, полетела в небо и укрылась среди плывущих облаков, исчезла в далёком тумане. Ай Нёрум Хо тоже обратился в речного гуся и полетел вслед, чтобы не упустить её.

Йи Шоварсух Кумал Имие тем временем достигла дома Торума-отца и молится ему:

– Большой Торум – отец ты мой, какого ты ханты-человека сотворил, он у меня отнимет мою жизнь, моё дыхание. Сделай такую большую милость, пусти меня в твой дом.

Ай Нёрум Хо услышал это и быстро подлетел к дому Торума-отца и просит:

– Большой Торум – отец мой, святой Торум – отец мой, не слушай, что говорит этот кровавый рябчик, за ним я долго гоняюсь, не пускай в свой дом его. Если дверь дома твоего открыта, то закрой её замком семисильным, закрой дверь своего дома замком семисекретным.

Торум-отец услыхал голос человека и закрыл двери семисильным и семисекретным замком и в окошко крикнул:

– Ивлап! Аслап! От каких отцов и матерей вы – дочь и сын? Какую вражду вы затеяли, что за месть придумали? Я вас на землю

не для этого отпускал, чтобы кровью её обливать, а жизнь по ходу солнца вести, чтобы женщины жили на земле, чтобы мужчины были на земле.

Ай Нёрум Хо и Йи Шоварсух Кумал Имие повернулись, полетели на землю. На земле снова превратились в людей и с новой злобой вцепились друг в друга. Долго ли, коротко ещё боролись, но не выдержала Йи Шоварсух Кумал Имие и взмолилась:

– Всё, Ай Нёрум Хо, у меня сил больше нет, твоя правда, ты никому зла не сделал, это мои предки и я повинны в смерти людей, я повинна за святую пролитую человеческую кровь. Будь настолько великим, пожалей меня, помиримся.

Ай Нёрум Хо в ответ:

– Мою человеческую силу, мою человеческую злость победить нельзя, ты это сама узнала. Посмотри, если по ходу солнца повернуться кругом, то вокруг за семь земель нет ничего живого, вокруг семи вод ничего живого не осталось. Ни пищи, ни одежды не найдёшь. Свет солнца стал красным от человеческой крови, свет луны стал чёрным от горя.

У Ай Нёрум Хо было большое сердце, они помирились с Йи Шоварсух Кумал Имие, на их лицах появилась радость, появились на земле люди, сотенные и тысячные стада оленей побежали по тундре, в лесах звери, в воде рыбы ожили. Йи Шоварсух Кумал Имие и Ай Нёрум Хо построили дом высотою в сто соболей, стали жить в мире. Никакой мести, никаких ссор между ними больше не было. Дочери и сыновья у них были, на коленях внуков и внучек держали, может, они и сейчас живы. Всё забыли, не помнят они, что землю чёрной кровью поливали, только сказка про это не забыла.

Моньсьхо из колена женщины

Хантыйская народная сказка

В этом углу Земли или в том углу Земли жили, ночевали, дневали муж с женой. Муж ежедневно леса обходит, водные просторы осматривает, лесных зверей в капкан ловит, водоплавающую птицу добывает, рыбу ловит. Жирное, тёплое мясо зверей и птиц домой приносит, привозит.

Жена каждый день узоры шьёт, украшающие швы делает, узорчатые, мастеровые дела делает, дом украшает, зимнюю и летнюю одежду шьёт, пищу на зиму, на лето запасает.

Всё у них было. Только бог не дал им детей, не было у них сыновей, дочерей.

Однажды у этой женщины нога заболела, колено распухло. Ночью стонет, днём стонет, дом заполнился её криком. Нет сна ночью,

днём сон не приходит, не может заснуть. Так и мучается она. Где взять столько сил так мучиться? Муж однажды наточил сюхры – узкий, длинный охотничий нож – и проткнул колено жене, думает, наверное, гной накопился в колене, пусть он выйдет и нога быстрее поправится.

Те! – удивился муж.

Что за чудо! Из опухшего колена женщины кровь не выходит, гной тоже не выходит, выпал небольшой камешек. Мужчина взял этот камень, осматривает: «Какой хороший камень, точилом для меня будет!»

Взял камень и бросил на полку в передний угол.

– Пусть там лежит, когда надо будет что-то точить, может, нож, топор или стрелы, я этот камень и возьму! – сказал жене.

А у жены как будто нога никогда не болела. Сразу боли ушли, и нет болезни. Сюда жена бежит, туда бегом идёт. Мясо, привезённое мужем, рыбу, привезённую мужем, готовит, варит, режет.

Так продолжалась их жизнь.

Однажды наступил вечер. Муж с женой поужинали, убрали со стола посуду, остав-

шуюся еду прикрыли, прибрали, а сами спать легли, но ещё не уснули. Вдруг послышалось: что-то треснуло в переднем углу, кто-то соскочил или спрыгнул с полки, пошёл к столу, стал есть пищу, которая была на столе.

Что за чудо! Что за диво! – удивились муж с женой, когда увидели около стола мальчика, который ел мясо и рыбу. Поел и снова вскочил на полку, которая была в переднем углу.

Муж с женой от такого чуда ушли в забытьё, то ли уснули, то ли жизни лишились, кто про это знает. Наверное, с каждым бы такое случилось. Они такого никогда в жизни не видывали.

Наступил следующий день. Посмотрели оба на стол – стол был пустой, еды там действительно не было.

«Это не сон, это не чудилось, это же правда!» – думал каждый из них, но ничего не сказал.

Мужчина снова, как всегда, пошёл осматривать водные просторы, обходить землю и леса, искать зверя и рыбу. Вечером принёс домой тёплого, жирного мяса, живую свежую рыбу. Жена приготовила вкусную еду. Поели, попили, оставшуюся еду на столе оставили.

Легли спать, но стали прислушиваться, ждут, что же будет сегодня.

Вскоре снова в переднем углу что-то треснуло, с полки соскочил мальчик, только вчерашний был младше, а этому мальчику, наверное, лет пять. Соскочил он с полки, подошёл к столу, сел и снова стал есть вкусное мясо, вкусную рыбу и при этом сказал:

– Отец и мать позаботились обо мне. Они же знают: я должен расти, стать сильным и умным. Это я тоже знаю.

Муж и жена опять ушли в забытьё, то ли уснули, то ли жизнь их покинула. Мы этого не знаем, никто не знает про это.

Утро наступило, встали муж с женой. Молча посмотрели на стол: стол был пустой. Мясо и рыбу, которую оставляли вечером, кто-то съел. Но ведь они видели мальчика и слышали, о чём он говорил, но не верили и молча думали об этом. Ни мужчина, ни женщина не осмеливались ничего сказать вслух.

Се! Мальчик назвал их отцом и матерью.

«Ладно. Посмотрим, что будет дальше, а потом и подумаем, что делать», – решил каждый из них.

Муж ушёл снова в лес охотиться, снова пошёл на речку ловить рыбу. Вернулся с добычей. Жена приготовила вкусную пищу, они поели. На этот раз оставили побольше вкусной еды, питья. Легли спать, но решили наблюдать, ждать: что же будет. Ждут, вот уже полночь. В переднем углу что-то треснуло, с полки соскочил высокий парень. С кем бы его сравнить! Красавец, жилы, кости соками земли налитые, упитанные. Соскочил, подошёл к столу и громко сказал:

– Отец и мать на этот раз постарались, очень вкусную еду приготовили. Я должен поесть, мне нужны силы, мне нужен ум.

Только сел за стол, а отец с матерью тут как тут, подскочили к нему.

– Добрый дух ли ты, может, ты, правда, наш сын. У нас никого нет, мы очень рады, просим тебя – не оставляй нас больше, будь с нами, – молятся муж с женой, упрашивают молодца быть их сыном.

– Пусть будет по-вашему. Я же ваш сын, – сказал он.

Тогда муж с женой догадались, что колено, наверное, не зря так болело, камешек не простой, а волшебный был. И точно, на пол-

ке никакого камешка нет. Обнялись, поцеловались, так дальше жизнь продолжили.

Однажды сын стал спрашивать отца и мать:

– Почему только мы здесь живём? Нас всего трое. Есть ли где-нибудь на нас похожие?

– Были люди здесь, много их было. Но пришла беда, страшная беда. Откуда-то пришли люди с топорами, ножами, всех поубивали. Мы случайно остались, маленькими детьми были, – поведал мальчику отец.

– Ладно. Мои родные отец и мать, я чувствую силы в жилах и костях, хочу осмотреть земли и воды, буду искать себе подобных, заодно хочу отыскать тех, кто обескровил жизнь. Если живой буду, вернусь, мёртвый буду – душа моя к вам вернётся, – поклонился отцу и матери Ими Шаншухпаты эвалт волты Моньсьхо – такое имя дали ему родители, что значит: сказочный человек Моньсьхо Из Колена Женщины.

По вековому обычаю все вышли на улицу, Моньсьхо Из Колена Женщины обошёл дом вокруг по ходу солнца, семь раз поклонился.

Отец отдал в крепкие богатырские руки сына свою руку, сказал:

– Моё сердце и сердце матери не радуются тому, что ты уходишь от нас, но гордятся тобой. Все мужчины выбирают дорогу.

На глазах родителей от отцовских слов и пожатия его рук сын стал ещё краше, ещё сильнее, все повернулись к полуденному солнцу, и Моньсьхо Из Колена Женщины вышел в путь.

Долог ли, короток ли был путь, кто про это знает. Вдруг земля-мать стала качаться то в одну сторону, то в другую. Слышно, что кто-то с грохотом идёт где-то, приближается. До слуха Моньсьхо Из Колена Женщины дошли слова: «Ну что с тобой случилось, чего ты испугался? Сколько земель мы прошли, сколько вод объехали, ничего и никого для нас страшного не было. Да это же Моньсьхо Из Колена Женщины, ему только от роду три дня, стоит ли его бояться, ты, кажется, испугался?»

Моньсьхо Из Колена Женщины повернулся в сторону доносившейся речи. Оказывается, это был шестиногий, шестирукий большой вурс (сказочное животное, похожее на лошадь), все шесть ног, все шесть рук стоят, упёрлись, не идёт

дальше, на его спине сидит Ялань Ики. Телом он выглядит как столетний кедр. Моньсьхо Из Колена Женщины не задумываясь шагнул ему навстречу и вежливо поздоровался:

– Ну, здравствуй, Акем Ики.

– Что ты смеёшься? – слезая со спины вурса, сказал Ялань Ики и сразу кулаком ударил по макушке Моньсьхо Из Колена Женщины, который вошёл по колено в землю.

Ялань Ики расхохотался на весь лес.

– Ха-ха-ха! Вот здесь и стой, пока твои кости и мясо не растащат вороны! – сказал он и поднялся на спину вурсу.

Но тут неожиданно около вурса появился Моньсьхо Из Колена Женщины и крикнул:

– Так нечестно, Акем Ики. Слезай. Теперь моя очередь.

Ялань Ики повернулся и видит: Моньсьхо Из Колена Женщины стоит на земле. Некуда деваться ему, слез он, думая: «Ему всего три дня от роду, где он силу возьмёт меня побороть!»

– Ладно, пусть будет по-твоему, со мной желаешь вступить в борьбу? Но никто никогда этого не делал, – ворчал Ялань Ики.

Моньсьхо Из Колена Женщины ударил кулаком по его голове, и Ялань Ики по пояс ушёл в землю. Моньсьхо Из Колена Женщины хотел его оставить и продолжить путь, но тут Ялань Ики выдернулся из земли и громким голосом, похожим на гром, крикнул:

– Ты куда пошёл, сейчас я должен рассчитаться с тобой, – и ударил его по макушке. Моньсьхо Из Колена Женщины вошёл в землю по пояс.

– Я, ха-ха-ха! – Ялань Ики так громко смеялся, что даже земля задрожала. – Оставайся, птицам и зверям пища нужна. Твои кости, твоё мясо они быстро разнесут. Я не таких встречал, как ты, живым от меня никто не ушёл! – сел на вурса и хотел было тронуться в путь. А тут рядом Моньсьхо Из Колена Женщины стоит и обращается:

– Акем Ики, слезай, теперь мой черёд.

Ялань Ики слез нехотя, но, не скрывая злости, ворчит:

– Что это ты играешь со мной? – а внутри почувствовал страх: может, правда, он сильнее.

Тем временем Моньсьхо Из Колена Женщины ударил кулаком его. Ялань Ики вошёл

в землю по шею, только одна голова торчит. Моньсьхо Из Колена Женщины схватил боевой нож (кинжал), который носил Ялань Ики на плечах, отрубил ему голову, и она с шумом, со свистом полетела куда-то.

– Эй! Когда-нибудь на этой земле, когда-нибудь на этом водном пространстве появятся люди, будут жить мирно, только среди них пусть не будет Ялань Ики, который питался человеческим мясом, пил человеческую кровь, – сказал эти слова и двинулся в путь.

Мы же знаем, что Моньсьхо Из Колена Женщины только в сказке, а сказка продолжается.

Шёл, шёл. Долго ли шёл, коротким ли был путь, мы не знаем. Вдруг снова земля стала качаться из стороны в сторону, землю и воду качает. До слуха Моньсьхо Из Колена Женщины дошли слова: «Что это такое? Кого ты испугался? Те! Ты думаешь, мы с опасностью встретились. Что ты, друг, да это же Моньсьхо Из Колена Женщины, ему всего времени три дня от роду».

Моньсьхо Из Колена Женщины повернул голову в сторону доносившихся слов и вот что

увидел: на шестиногом, шестируком вурсе сидит трёхголовый Ялань Ики – людоед, а вурс всеми шестью ногами, всеми шестью руками упёрся, стоит и дальше не идёт. Моньсьхо Из Колена Женщины пошёл навстречу, поздоровался:

– Я, здравствуй, Акем Ики!

Трёхголовый Ялань Ики слез с вурса и сразу ударил его по макушке. Моньсьхо Из Колена Женщины вошел в землю по пояс.

Ялань Ики повернулся в сторону вурса, забираясь на него, ворчит:

– Я думал, кто тебя напутал, кого ты испугался. Мы с тобой сотни лет ездим, никого не боялись, а тут испугался. Пусть теперь его растащат звери и птицы...

Не закончились его слова, только сел на вурса трёхглавый Ялань Ики, слышит: «Акем Ики, ты куда? Мой черёд настал, мой кулак хочу опустить на твои головы!»

Трёхглавый Ялань Ики не поверил, но деваться некуда, слез, и тут же крепкий кулак ударил его по голове. Вошёл Ялань Ики в землю, только три головы торчат. За сотни лет не слыхали, не видали такого, чтобы кто-то

отважился поднять на него руку. Сколько деревень злодей оставил без людей, сколько детей проглотил. Моньсьхо Из Колена Женщины схватил боевой нож (кинжал), который Ялань Ики носил на плече, и одним махом срубил все три головы, и они полетели куда-то со свистом, с шумом, со скоростью сильного ветра.

Моньсьхо Из Колена Женщины свой путь продолжил дальше. Долго ли шёл, коротко ли был в дороге, кто знает.

Снова землю начало качать, трясти. То в одну сторону качнётся, то в другую сторону качнётся. Кто-то с силой топчет землю. Слышит Моньсьхо Из Колена Женщины: «Ивлап-аслап! Что случилось с тобой, кого ты увидал, кого ты испугался? Что ты встал? Мы с тобой в дороге сто лет, что только не видали, кого только не встречали – никого не боялись». Каждое слово на гром похоже. Повернул голову Моньсьхо Из Колена Женщины в ту сторону, откуда доносился гром, и увидел на вурсе семиглавого Ялань Ики – людоеда.

Моньсьхо Из Колена Женщины рванулся навстречу страшилищу. Вурс был тоже семи-

ногий, семирукий, все семь ног вытянул, всеми семью руками упёрся, встал, не идёт.

– Вот так зверь! Ты что, испугался Моньсьхо Из Колена Женщины? Он разве стоит того, чтобы его пугаться? От роду ему только три дня. Ну давай, расправимся мы с ним.

Моньсьхо Из Колена Женщины не успел поздороваться, как тяжёлый кулак семиглавого Ялань Ики упал на его голову, и он вошёл в землю по плечи.

– Я, ха-ха-ха! Вот смотри, – обратился он к вурсу, – кого ты боялся! Пусть теперь ему птицы глаза поклюют, а мозги зверь какой-нибудь съест.

Забрался на своего зверя-вурса. Но тут неожиданно для себя услышал: «Акем Ики, ты куда? Мой черёд опустить на твои головы мой кулак, испытай и ты его».

Семиглавый Ялань Ики слез со своего зверя, видит: рядом стоит целый и невредимый Моньсьхо Из Колена Женщины. Не успел усмехнуться Ялань Ики, как тяжёлый богатырский кулак камнем упал на семиглавую голову Ялань Ики, и он вошёл в землю, остались торчать только головы. Схватил Моньсьхо боевой

тяжёлый нож (кинжал), который Ялань Ики носил на плечах, ударил по шее, и все семь голов со скоростью большого ветра полетели куда-то.

Сказка здесь не кончается. Моньсьхо долго ли ещё ходил, коротко ли был в дороге.

«Надо вернуться домой. Как там живут мать и отец?» – эти мысли поселились в голове.

Моньсьхо Из Колена Женщины пустился в обратную дорогу и увидел много деревень с ханты, много городов с людьми. Земли, воды ожили, счастье живёт в каждом доме, в каждом сердце.

Моньсьхо Из Колена Женщины пришёл в своё селение и увидел там много людей, которые шли ему навстречу. Откуда люди появились? Оказывается, те три Ялань Ики не давали людям жить ни днём, ни ночью. Теперь они свободны, вышли из укрытий. За подвиги Моньсьхо Из Колена Женщины люди назвали его главным среди них, благодарили мать и отца и построили для них дворец, какой им никогда и не снился. Самую красивую и самую мастеровую девушку сосватали за Моньсьхо Из Колена Женщины. До сих пор они живут счастливо.

Сказитель Семён Юхлымов

Женщина Ягодка

Хантыйская народная сказка

Жил один мужчина, было у него три сына. Жили они совсем в отдалённом углу Земли, вокруг никого не было, а может, и были люди. Кто знает, кто видел, но они не видели, не слышали про них.

Сказка есть сказка. Жена у этого мужчины была или нет, никто не знает. Сколько они здесь одни живут, много ли времени, мало ли времени ушло, но однажды отец говорит детям: «Я вам мать искать поеду». Запряг в саночки собак и поехал. Длинный путь – долго ехал, короткий путь – быстро ехал.

Много земли проехал, много рек переехал. Он устал, собаки тоже устали. Вдруг нечаянно ногой задел гнилой дуплистый пень берёзовый, а оттуда дым повалил. Мужчина стал во-

круг пня ходить и искать двери. Вдруг нашёл небольшое отверстие и зашёл в него. Походил, походил, посмотрел вокруг – никого не было. Подошёл мужчина к месту, где хранится посуда, и вдруг выкатилась оттуда Ягодка и тут же куда-то покатилась, нигде её нет. Немного погодя в сенях слышится писклявый голос: «Не могу поднять котёл с круглым дном».

Мужчина вышел ей на помощь, а котёл-то был величиной с полголовы белки. Прошло ещё немного времени, снова Ягодка где-то пищит: «Ой, не могу я поднять голову этого зверя, хотела бы я её сварить для гостя». Мужчина опять подошёл на помощь. Видит – голова белки. Ягодка кое-как сварила еду с помощью мужчины, поужинали.

Никаких сватов не было, сами ли договорились, но Ягодка с мужчиной стали мужем и женой, вместе стали жить.

Любуется мужчина на свою Ягодку. Обо всём на свете забыл, даже о детях. А она то туда покатится, то сюда скатится, ничего без помощи мужа не может делать.

Много ли тут жили, вдруг мужчина вспомнил о детях и говорит жене: «Надо бы

домой ехать, как там мои ребятишки, наверное, ждут меня». Ягодка села на нарту невесты, которую снарядил муж, запрягли собак и поехали.

Долог ли был путь, коротка ли была дорога, но они приехали домой. А ребятишки соскучились, выбежали из чума и кричат:

– Ий, ий! Папа приехал! Наверное, маму нам он привёз! Где наша мама?

– Мать ваша на нарте с меховым укрытием сидит, помогите ей сойти с нарточки.

Самый маленький ребёнок залез на нарточку, поднял меховое одеяло, а оттуда Ягода выкатилась, выпала с нарточки на землю, катится в сторону дома. Мальчик побежал догонять её и нечаянно наступил на неё. Она и лопнула.

– Ну, где же, дети, мать? – спросил отец.

– Мы её не видели! – ответили старшие дети.

– Какая-то ягодка была в нарточке, я наступил нечаянно на неё, и она лопнула, – сказал с грустью самый маленький мальчик.

– Это же она и была! Где мы теперь её возьмём? – сказал с досадой отец.

И стали они жить дальше.

Правда, говорят, красота человека в его умелых руках, а не только во внешнем облике. Женщина бывает красива, как ягодка, но ничего не умеют делать её руки, вся она беспомощна, никому нет тепла и добра от неё. Жизнь такого человека похожа на жизнь Ягодки из нашей сказки.

Сказитель Пётр Аликов

Пять слов, пять рассказов

Жили на земле, которая принадлежала только отдельным духам, Имилэ с внуком Хилылэ.

Долго ли, коротко ли там жили, про это никто не знает, никто не видел этого. Но однажды в череде дней и ночей к Имем Ими обратился Хилылэ с такой просьбой: «Имем Ими, сделай мне маленький лук и маленькие стрелы, я буду гоняться за маленькими зверьками и маленькими птичками».

Имем Ими долго не соглашалась делать внуку лук и стрелы, просто не хотела, сердце не разрешало. А Хилылэ много раз повторял свою просьбу, стал молить Имем Ими.

Но вот однажды на поверхность сердца всплывает желание, и Имем Ими из остатка палки, с которой скоблила вотлуп (стружки), сделала маленький лук и маленькую стрелу.

Имем Ими и говорит: «Хилылэ, лук и стрелу тебе сделала, ты будешь бегать, стрелять, но только помни: ходи на такое расстояние, чтобы виден был наш дом, дальше не ходи, иначе можешь заблудиться».

Наступил следующий день, пришёл день, который был за тем днём. Хилылэ взял лук и стрелу, которую ему сделала бабушка из палки, и стал вокруг дома бегать, стреляя из лука в маленьких птичек, маленьких зверюшек. Пустит стрелу из лука и за ней бежит, снова стрельнёт из лука и снова бежит к тому месту, куда падает стрела. Возьмёт стрелу и снова из лука стрельнёт то в одну, то в другую сторону и совсем забыл про наказ Имем Ими. И вдруг вспомнил про него и стал думать: ведь Имем Ими не велела далеко ходить.

Повернулся назад – не видать дома! Посмотрел налево – нет дома. Оглянулся вокруг – на глаза нигде не попался дом.

Хилылэ не знал, в какую сторону идти, не знал, где дом. И вдруг увидел дорогу – гладкую, как спина большого оленя, большую и широкую. Дорога, отороченная по сторонам

мхом и травой. Хилылэ подумал: «На такой дороге не заблудишься. По ней и пойду, и домой приду. Имем Ими зря беспокоилась».

Сунул лук и стрелу под мышку и зашагал по этой дороге. Ноги вольны, руки свободны, легко идти. Забыл все обычаи жизни. Плюнет то в одну сторону, то в другую, а встречный ветер плевки обратно шлёпал о лоб Хилылэ. Никого он не стеснялся, никого не боялся, а более того – громко смеялся, свистел.

Долго ли шёл, коротко ли шёл по этой гладкой, как спина большого оленя, дороге, края которой были оторочены мхом и травой. Вдруг видит: стоит дом, который построен из самых вытянутых лиственниц, из самых длинных елей. В голове у Хилылэ дума: «Что за чудо? Наш дом с Имем Ими таким не был, этот дом очень большой!»

Делать ничего не оставалось, как зайти в дом, построенный из самых вытянутых лиственниц, из самых длинных елей. И Хилылэ с ходу, не задумываясь больше ни о чём, как шёл, так и вошёл в дом. Видит – в переднем углу сидит счастливый седой дед, одетый в мягкую, тёплую одежду. Ему очень хорошо

было сидеть и жить в этом доме, который напоминал пуховое гнездо птицы.

Седой дед, увидев мальчика, сразу встал, подошёл к нему, улыбаясь, обнял мальчика, поцеловал и сказал: «Кей! Хилылэ, я тебя видел тогда, когда ты ещё спал в люльке, где был мягкий мох, в люльке, где была постель из стружек, а ты был покрыт мягким заячьим одеялком. Вот каким ты стал большим и сильным. Что тебя сюда привело, может, весть какая? Может, меня чем-то решил утешить или ещё что-нибудь знаешь сам? Зачем ты ко мне пришёл? Всё, всё расскажи!»

Хилылэ говорит: «Имем Ими мне сделала маленький лук и маленькую стрелу из остатков палки, с которой соскабливала вотлуп. Я гонялся за маленькими зверьками и за маленькими птицами и заблудился. Потом нашёл я эту гладкую, широкую и большую дорогу и по ней пошёл. Так я к тебе и пришёл».

Старый дед сказал в ответ: «Хорошо, что ты пришёл ко мне, Хилылэ! Со мной немного поживи, я тебя научу тому, что знаю, что видел, что слышал. Ты всё будешь знать. За вре-

мя, которое со мной проведёшь, ты узнаешь пять слов, пять рассказов».

Прожили день, наступил вечер, настало время спать. Аки Ики (так звали деда) говорит Хилылэ: «Ты ночью один не выходи, скажи мне».

Легли спать, уснули. Вдруг Хилылэ просыпается, не может уснуть, сон напрочь высох. Смотрит, угли в чувале ещё не погасли, значит, они только что заснули. «Раз не спится, пойду выйду, погуляю на улице. Зачем будить старика, пусть спит, один погуляю», – решил Хилылэ. Малицу надел и вышел. Смотрит, время – середина ночи. «Нет! Какая прогулка, надо обратно зайти, вдруг проснётся старый дед и будет беспокоиться», – подумал мальчик, немного погуляв.

Подошёл к двери, открыл, вошёл в дом и хотел лечь на свою постель. «Кей! А тут кто такие спят?» – испугался Хилылэ. Спят двое, страшно измученные, одежда вся рваная, без единой шерстинки шкура, на которой они спят, сверху вместо тёплого неблюевого покрывала старая кожа, от которой и тепла-то нет. Спящие очень замёрзли. Хилылэ испугал-

ся ещё больше, выскочил на улицу, думает: «Золотое святилище! Что за дело, оказывается, в другой дом зашёл. Днём я и не заметил, какой же я слепой! Здесь живут очень бедные люди, видимо, муж с женой».

Хилылэ оглянулся и увидел дом. Вот этот дом, думает он, где дед живёт и куда он пришёл. Направился в тот дом, вошёл в него, видит, угли давно погасли в чувале. Подошёл Хилы к нарам, хотел лечь на нары и вдруг видит – опять двое спят, тоже муж с женой. Эти двое укрыты красивыми узорчатыми сахами, под ними тёплая постель из новых шкур. Сладкий сон крепко держит их вместе, их лица покрыты лёгким потом.

Снова Хилылэ испугался и выскочил на улицу. «Кей! Что случилось со мной? Совсем потерял дом Аки Ики». Осмотрелся и увидел дом. Направился туда, приняв этот дом за жильё старого деда Аки Ики.

Зашёл и видит: нет, опять не туда пришёл! В переднем углу на нарах опять спят муж с женой. Их тела не знают жил, мяса, жира, они состоят из одних костей. Около нар стоит пустой стол, валится от тяжести пустоты. Хи-

лылэ пуще прежнего испугался, подумал, что эти двое самые бедные, несчастные, и выскочил из этого дома.

Опять осмотрелся и увидел другой дом. «Наверное, вот в этом доме Аки Ики живёт!» – подумал мальчик, быстро открыл дверь и зашёл туда.

Смотрит – опять не туда вошёл. В переднем углу дома на нарах лежат двое – муж и жена. Лица и тела их переливаются светом и теплом, около них стол стоит, полный разной еды и питья.

Хилылэ в отчаянье выбежал из этого дома и почти вслух вскрикнул: «Добрый бог! Это, наверное, богатые люди. Опять не туда вошёл. Где же Аки Ики живёт? Ведь говорил же он: не выходи из дому один, не послушался я его. Как теперь я найду его?» – быстро бежали мысли в голове, а сам смотрел, где же дом Аки Ики.

Видит Хилылэ – стоит лупас. Подошёл он к нему и страшно испугался: оказывается, не лупас, а мужчина на голове целый дом держит и еле-еле стоит. Хилылэ быстро отвернулся и пошёл прочь.

Вдруг видит дом, на крыльце висят его маленький лук и стрела: «Точно! Я же сразу их там повесил, почему я не догадался раньше?»

Мальчик подошел к двери, открыл её, вошёл и видит: в чувале все ещё горят угли. Хилылэ снял малицу и тихонько лег около Аки Ики. От страха, от которого он только что ушёл, он закрыл глаза и сразу же уснул.

Наступило утро, наступил светящийся день. Проснулись Хилылэ и Аки Ики, встали. Аки Ики и говорит: «Хилылэ, ночью я слышал, что ты выходил на улицу. Ты ничего не видел, ничего не знаешь или что-то видел, знаешь?»

Хилылэ подробно рассказал Аки Ики всё, что видел хорошего и что видел страшного. Старик выслушал его, а потом и говорит ему: «Я тебе говорил, чтобы ты один не выходил на улицу ночью. Ты видел мёртвых людей, они живут теперь так, как заслужили при жизни. Так устроено. Кого страшным судом судят, а кому счастьем и радостью заливают мёртвую жизнь. Слушай. В первом доме, куда ты зашёл, спят на ветхих, без меха, без единой шерстинки шкурах люди, которые в живой жизни бед-

ными не были. Всё у них было, но они жалели для людей, для гостей. Если гостя положено уважить хорошей едой, хорошей постелью, то они всё делали наоборот. Кормили тем, чего не ели сами, стелили то, что уже не годится для постели. Укрывали тем, что не годится для тепла. И постель не стелили руками, а бросали. А себе стелили самые лучшие вещи, ели самую лучшую пищу. Вот почему они сейчас попали в немилость.

Во втором доме тоже спят двое. Только всё у них хорошо. Постели мягкие, красивые. Еда добрая, вкусная. Эти двое в живой жизни для своих гостей и для людей, которые к ним приезжали, ничего не жалели. Уставших кормили, стелили самые лучшие вещи для гостей, а сами ели и спали на том, что оставалось от гостей. Гости радовались и очень много добра им желали. Вот они его и получили, вот почему им и хорошо живётся на том свете.

Третья пара в третьем доме состоит из одних костей, ничего нет у них в доме, в их телах. Это не бедные люди. А наоборот, очень богатые люди были в живой жизни. У них было много слуг, но они их за людей не считали, го-

лодом держали, еду не давали. Не хотели они помочь и тем, кто нуждался в помощи. Вот почему и дана им теперь такая жестокая участь – испытать голод и холод.

Четвёртый дом, куда ты ходил, это дом, в котором живут муж с женой. Теперь они красиво спят и красиво кругом, потому что эти люди жили своим трудом, ничего даром не брали, очень много помогали больным и бедным. Не жалели ни еды, ни питья для них. Если нужна была одежда кому-нибудь, они его одевали, считали это своим долгом. Вот им за это на том свете и дана радостная, красивая жизнь на вечные времена.

Пятое моё слово, пятый мой рассказ о человеке, который носит на себе дом. Он, когда жил на этом свете, в свой дом никого не пускал. Дождь ли на улице, мороз, снег ли идёт – это его не касается. Людей, которые проходили мимо его дома, у которых мёрзли руки и ноги, в дом погреться он не пускал, никого не приглашал. Вот теперь на том свете и носит свой дом на своих плечах. Это так пожелали люди. Теперь ему не избавиться во веки веков от такой ноши, от такого груза.

Хилылэ внимательно слушал, а потом, когда дед закончил свои пять слов, пять рассказов, сказал: «Аки Ики, твои пять слов, твои пять рассказов я запомнил и не забуду о них. Расскажу и другим людям».

Вышли из дома. Аки Ики взял из угла с солнечной стороны трёхгранную железную стрелу, с крепкой и жёсткой тетивой лук и, отдавая Хилылэ, сказал так: «Хилылэ, вот тебе крепкий, жёсткий лук, вот тебе трёхгранная стрела, возьми их. И теперь послушай: выпустишь из лука стрелу и иди в ту сторону, куда она полетит. Снова выстрели и снова иди за стрелой. Семь раз выпустишь и свой дом найдёшь. Провожать тебя я не могу, слишком стар я».

Аки Ики поцеловал Хилылэ, и они стали прощаться. Хилылэ поблагодарил старца за всё и последовал его советам. Пустил стрелу из лука и пошёл за ней. Семь раз пришлось Хилылэ выпускать стрелу из лука, и, наконец, она воткнулась в стену его дома. Хилылэ подошёл к дому и с силой выдернул стрелу, отчего домик-то и развалился. Не успели вздохнуть, как рядом увидели большой, красивый дом,

построенный из отборных лиственниц и отборных елей. В этом доме и стали жить Имем Ими и Хилылэ. Вперёд ли люди едут, назад ли возвращаются, никогда мимо них не проезжают, никогда мимо них не проходят.

Помнит Хилылэ пять рассказов Аки Ики, пять слов и строго следует в живой жизни им. Есть ли у них еда, есть ли у них питьё, есть ли в их доме тепло – всё для людей, а когда этого нет, они согревают людей теплом своих сердец. И всем людям Хилылэ передаёт пять слов и пять рассказов Аки Ики.

С тех пор прошли времена, прошли века, только Хилылэ с Имем Ими всё ещё живут. Надо им рассказать пять слов и пять рассказов и нам, живущим.

Сорни Лопыс

Сказ

В этом ли конце Земли,
В том ли углу Земли
Жила когда-то Елум Нэнги,
Слышала, была она хантыйской женщиной
И вырастила она к светлому дню
Высоких, как лиственница, семь сыновей.
Стройных, как ели, семь сыновей.
Каждый светящийся день
Раньше птиц и зверей встают они,
Объезжают соры и болота,
Режут злому зверю горло
И дикого оленя арканят.
Только Ратпар-хо – сын самый меньший,
Только Хышпар-хо – сын самый последний,
Ноги сунув в тёплую золу очага,
Сидит целыми днями и что-то бормочет.

Или ума у него мало,
Или просто непутёвым родился.
На краю женских нар,
В заветном углу женских нар
Мастерица Елум Нэнги
Сидела и расшивала ханши.
День ли вечером становился?!
Свету ли мало стало?!
Выходила Елум Нэнги из дому,
Выходила Елум Нэнги,
Распрямляла руки, ноги.
Вот что случилось однажды.
Или городу не жить!
Или стойбищу не жить!
Вечер снова стал как день!
На лиственнице,
вершина которой касается неба,
Светится золотое сияние – Сорни Лопыс,
Посылает свет на Землю!
Влезла Елум Нэнги на лиственницу,
Сорни Лопыс на землю сняла.
Когда кончился наступивший день,
Когда кончился светивший день,
Сыновья Елум Нэнги с тугими поясами,
С полными ношами рыбы и мяса

Возвращались с озёр и соров,
Возвращались с боров и болот.
Издали они увидели Сорни Лопыс.
Сыновья высотою с молодую лиственницу,
Сыновья стройные, как растущие ели,
Стали вокруг матери и
Заспорили, кому завладеть
Чудом – Сорни Лопыс.
Сыновьям гнезда родного
Сказала Елум Нэнги вот так:
«Мне плохого вы не делайте
И не спорьте меж собой.
Кто из вас имеет чудо,
Кто мудрее в делах, в жизни и в дороге
И лучше других помогает людям,
Тому я отдам Сорни Лопыс».
– Когда мы в пути, в дороге,
Если злые люди нас догоняют,
Только проведу я рукой по волосам –
Лес встаёт перед ними,
Да такой, что взор и щёлки не отыщет,
Ухо не услышит.
Люди с топорами и ножами
В этом лесу и смерть найдут.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! –

Так сказал самый старший сын.
– А если путь продолжим,
А если дорога и дальше пойдёт,
На след наш снова выйдут враги,
Стоит только туда-сюда
Дунуть мне несколько раз –
Появятся луки и стрелы,
Сами они победят их.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! –
Так сказал следующий сын.
– А путь-то дальше продолжается.
А дорога нас дальше ведёт.
Издавна море с горячей водой
Обрывало путь ханты.
Преграждало дальнейший путь.
Я сделаю лодку-чудо,
Дорогу здесь продолжу.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! –
Так сказал третий её сын.
– А путь мы дальше продолжим,
А дела нужно дальше делать.
Высотою в пять саженей дом построю,
Шириною в шесть саженей дом построю.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! –
Так сказал ей четвёртый сын.

– А путь-то продолжается,
А дорога дальше идёт.
Может, рыбы не будет у ханты,
Может, муки не будет у ханты.
Я для них поставлю стол.
Всякая еда будет там.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! –
Так сказал ей пятый сын.
– А путь не кончается,
А дорога дальше продолжается.
Пусть тёмная ночь наступит для ханты,
Пусть глаза не видят, уши не слышат.
А я для них зажгу все звёзды.
Будет светло ночью, как днём.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! –
Так сказал ей шестой сын.
– А ты, Ратпар-хо, малый мой сын,
Ты, Хышпар-хо, милый мой сын,
Имеешь ли ты крылатые мысли,
Сможешь ли ты помочь людям?
– Земля имеет семь углов.
Живут здесь люди на семь ладов.
Будут жить они все одинаково,
Люди семи углов Земли
Будут жить думою одной,

Потому что светит Солнце нам одно.
Пьём мы воду тоже одну,
Дышим воздухом одним,
Сорни Лопыс надо отнести на лиственницу –
Не для одного человека нужны
Его свет и тепло.
Пусть оно пылает там,
Пусть течёт его свет и тепло
Ко всем людям семи углов Земли,
Призывает их сердца и взгляды
к одному очагу.
Елум Нэнги, выслушав речь сына младшего,
Сказала сыновьям такие слова:
– Услышала я мудрость и много чудес,
Хочу, чтобы все они служили людям,
Чтобы наши бедные и измученные ханты
Увидели и почувствовали силу чудес.
А Сорни Лопыс тогда и вам тоже будет светить.
Не трогайте Сорни Лопыс,
Держитесь думы одной,
Встаньте на путь один,
Ваши чудеса и вашу мудрость
Когда-нибудь люди увидят своими глазами.
Сыновья Елум Нэнги
Как будто крылья имеют:

Мы не успели оглянуться –
Улетели они из гнезда.
Долго ли они ходили,
Коротко ли они ездили, – не знаю я.
Только знаю: я живу
В древней сказочной мечте.
Земля моя берёт солнца жар,
Живут на ней разные люди.
Все семь чудес семерых братьев –
Это теперь не сказка.
Не только в сказке жили враги,
Видишь и сейчас – разинув пасть,
Жаждут они кровавого пира.
Но мы не боимся жадных воров.
Сывас – крылатая птица хантыйских сказок –
Летает наяву,
И, как огненные стрелы,
Долетает к звёздам любым.
Пусть враги знают это.
По водам горячего океана,
По льдам холодного океана
Огненные лодки плавают –
Это тоже чудо жизни.
Ратпар-хо с братьями,
Хышпар-хо с матерью

Среди ханты я вижу часто.
Семь чудес и сказки мудрость
Вижу в жизни я сейчас.
На сказочной лиственнице –
На земном шаре –
Для людей Сорни Лопыс сияет.
Прав был Ратпар-хо,
Прав был Хышпар-хо:
Светит всем, и тепло его греет всех,
Зовёт всех земных людей жить в мире.
Здесь я сказ закончу.
Может, когда-нибудь и кто-нибудь
Вспомнит Елум Нэнги и её сыновей.

Сывас – несуществующая сказочная птица.

Ставшие святыми духами три женщины

Сказка-сон

Этот сон приснился мне 10 марта 1991 года. Я не сном теперь это называю, а сказкой. Кто знает, может, и вправду наступит такое время, и эти три женщины – внучки Вон Торума – будут вести живую жизнь людей, деревьев, трав, зверей и птиц на Земле, в Космосе. Эти три святые женщины заменят уставших святых духов, которые по сей день берегли, сохраняли мои народ и его окружение... Такие у меня мысли, такие думы.

...Я даже не успела как следует уснуть, как явилось мне это видение (я точно знаю, что это не сон, всё это я видела). Ко мне пришла женщина, слегка улыбаясь, посмотрела

на меня, положила руку на плечо. Я подумала: знаю или нет эту женщину? Она была очень красивая. Косы были длинные, до пят, на коснике, на одежде много украшений. На голове цветной платок с длинными кистями. Косник с украшениями и кистями платка переливались блеском и множеством цветов, которые я видела в природе, вообще в окружающем большом Пространстве – в доме Торум Аси, Торум Ангки. В этот миг я подумала о маме, когда-то она тоже была такая красивая, благородная, но это была не мама...

Мои думы сразу же прервала женщина:

– Нет, я не твоя мама, только ты меня послушай, что я тебе расскажу... Вот живу я и у меня родилась девочка, дочка появилась. Но не успела я обрадоваться, почувствовать её своим сердцем, она исчезла. То ли пеший дух взял, понёс, то ли крылатый дух взял, понёс мою крошечку, я не знаю, даже не заметила.

Что тут поделаешь, стала дальше жить. Родилась у меня вторая девочка. Радость не успела войти в мою душу – снова девочка исчезла, только промелькнула. Что за чудо? Кто был? Может, пешие сто святых духов, они

взяли мою доченьку, а может, крылатые сто святых духов, они понесли мою крошечку... Где мне её искать, где мне её взять? Остались у меня пустые руки...

Снова начала жить дальше. Недолго так прожила, снова девочка у меня появилась. Какой чудесный человечек! Радость какая!..

И вдруг всё опять исчезло. Опять не стало моей чудесной крошечки, опять осталась без маленькой дочки, нигде её нет. Никакого святого духа не заметила, никакого злого духа не видела, даже во сне не приснилось. Кто знает, что за чудеса?

Третью девочку тоже не удалось мне растить, не пришлось радоваться моему материнскому сердцу, моей материнской душе.

А теперь слушай дальше. Собирайся, пойдём со мной, может быть, мы повстречаем моих девочек, может, наши глаза увидят моих дочерей.

И мы с ней вышли в путь. Мы сразу увидели большой, красивый дворец, только смотрю и гадаю: из чего же он сотворён? Не из брёвен деревянных, не из камня и кирпича. Стоит этот дом, этот дворец высоко, занимает полнеба,

построен, смотрю, он из разноцветных радуг. Все цвета небесной радуги переплелись, слились, переливаются. Они превратились в такой дворец. Живёт в этом доме молодая женщина, сидит на высоте Солнца, на высоте Луны. Она всё-всё видит кругом, осматривает всё вокруг себя. Эту женщину тоже со всех углов Земли и Неба видит каждый человек, видят и знают птицы, звери, деревья, травы, звёзды. До сих пор мои глаза видят красоту, украшения этой женщины. Её вид, одежда и человеческое сердце греют меня. Бисер, бусы, ожерелья украшали её голову, шею, волосы были чёрные, блестящие, длинные, вплетены в косы, на голове шёлковый платок, его длинные кисти далеко развеваются. Женщина была очень большая и высокая. Пока я всё это рассматривала, моя попутчица всё стояла возле меня. Вдруг посмотрела на меня и воскликнула:

– Ешак Вон Торум Аси! Предобрый, прехороший Большой Торум Отец! Это же моя самая младшая дочка. Видишь, кем она стала, видишь, Большой Торум кем её поставил, кем её нарёк. Она стала святым, добрым духом. Всем земным людям, женщинам и мужчинам,

счастье, радость даёт, посылает, всему живому даёт дыхание жизни, греет кровь, сердце человека, её сердечное тепло впитывается в Землю и Воду, звери, рыбы, деревья и травы, букашечки берут живое её дыхание и тепло.

Услышала я это и подумала: «Наверное, её дочку взял Большой Торум Отец». Женщина как будто угадывала мои мысли и думы, сразу отвечала:

– Да, это правда. Ты же видишь, где она живёт, как она одета, украшена. Сколько тепла и силы у неё, всё это отдаёт жизни на Земле, в Пространстве. Большой Торум Отец дал ей назначенье быть святым духом жизни, поэтому все должны молиться ей, кому нужна жизнь, кому нужно живое дыхание, продолжение или появление жизни. От неё только будет зависеть, чтобы были живые люди, звери, травы и деревья, птицы, рыбы, только она будет продолжать живые корни жизни.

Пока я слушала женщину, увидела другое... Вокруг меня солнечно, живая Земля. Сколько людей на Земле – видно всех до единого, знаю, чувствую всё и вижу их жизнь. Это же знает, видит, чувствует моя попутчи-

ца. И тут мы с ней увидели женщину, какую ни в сказках, ни во сне никогда не видели, не знали.

Величиной она была такая, что Землю могла укрыть, высотой была такая, что могла Землю заслонить. Она была очень красивая, множество украшений висело на косниках вдоль длинных, чёрных кос, ожерельями украшены шея, одежда. Однако руки и ноги у неё не были похожи на человеческие, они походили на лапы какого-то когтистого зверя, покрыты были длинной шерстью цветом тёмно-синего дыма. И ещё она не ходила на ногах, а витала волнообразно между Землёй и Небом, слегка задевая Землю то передними лапами, то задними лапами. При этих движениях каждая шерстинка на лапах горела огнём, дышала, отдельно жила. И что бы эта женщина ни задела, чего бы ни коснулась – только вихрь пронесётся и там ничего живого не останется. Как говорят в хантыйском народе, «мертва земля, безжизненна вода».

Моя попутчица тоже наблюдала за ней, за этими чудесами. Вдруг неожиданно опять воскликнула:

– Ой, Большой, Светлый Бог – Торум Аси! Это же моя средняя дочка! Вот кем она стала по воле Бога Торума! Она тоже стала святым духом, только духом, посылающим всему живому смерть. Эй-я, её глаз что увидит, её взгляд что найдёт, что её руки заденут, чего её ноги коснутся – всё это исчезает, умирает, затухает. После этого нет живой Земли, живой Воды, живой Жизни».

А я тогда подумала, что первая святая женщина, которая живёт во дворце из радуг, дающая жизнь, живое дыхание, наверное, сильнее этой святой, посылающей смерть, убивающей всё живое, закрывающей живое дыхание...

– Нет! Знаешь, она же младшая дочка, её сила не возьмёт силу старшей, – сразу ответила женщина моим мыслям.

Пока я слушала её, святая женщина незаметно исчезла, ушла с глаз полузверь-получеловек, причиняющая горе и смерть, неизвестно куда.

Мы находимся очень высоко и нам всё-всё видно, никакая деталь живой жизни не ускользнёт из нашего взгляда, из нашей души, что нельзя увидеть – чувствуем.

Оглядываемся мы, две женщины, вокруг, и видим, где пасутся коровы, олени, кони, овцы, видим, кто что умеет делать красиво, кто творит разные чудеса. Наши уши ловят сказочные звуки, песни, мы видим игры. Танцующие – танцуют, поющие – поют. Люди целыми городами, деревнями живут, все делают разные дела, без которых невозможно жить, нельзя жизнь вести. Везде проявляется сноровка рук, ног. На плечах живой Земли растут, вырастают узорчатые леса, вьются и бегут струёй реки и речки. Люди бегают за зверями, за рыбами – охотятся, рыбачат. Куда бы мы ни посмотрели – везде видим, как одна женщина подсказывает, наставляет человека на дело, учит мастерству, душу пестует, побуждает творить красоту, добро, бессильного делает сильным, неумелого умелым... Женщина эта краше двух первых, одежда на ней переливается всеми цветами жизни, вся в узорах.

– Ешак Нуви Асие! Это же моя старшая дочка, это же мой первый ребёнок! Она тоже стала святой женщиной, дающей людям мастерство, ум, талант, творческие способности, чтобы человек мог творить красоту, руками

и ногами делать чудеса. Моя старшая дочка стала по воле Светлого Отца духом творчества, ума и мастерства, без чего нельзя живую жизнь иметь на Земле и в Пространстве. Всё, что накоплено за сто Солнечных лет, сто Лунных лет, она знает и передаёт всем, каждому человеку отдельно. Мало иметь тело, живое дыхание, надо уметь делать всё, что необходимо для светлой живой жизни.

Только произнесла она эти слова, я почувствовала, что она исчезает куда-то. Я подумала: неужели мы с ней расстанемся и кто же она была? В ответ слышу:

– Думай, думай, думай...

Содержание

Цвета её души 3
О легендах 20
У Женщины Огня было два глаза 21
Огонь надо чтить 22
Окуривание 24
Каранг венш, сутаренг венш 27
Хилые и Сяси Ими 32
О святости человеческих волос и ногтей . . 39
Хлебушко 43
Хилы и Аки Чёрное Сердце 47
Ай Нёрум Хо 54
Моньсьхо из колена женщины 84
Женщина Ягодка 98
Пять слов, пять рассказов 102
Сорни Лопыс 114
Ставшие святыми духами
три женщины 122

ББК 84(2Рос=Хат/Рус)6-5
В12

Вагатова (Волдина) Мария Кузьминична

Хантыйский калейдоскоп

Книга первая

Легенды и сказка

ООО «Издательский дом Баско»

Генеральный директор • М. Часовников
Редактор • О. Рыбина
Корректор • А. Казакова
Дизайн • О. Попова
Вёрстка, предпечатная подготовка • О. Евглевская

620075, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 81 – 1212
тел. (343) 355-21-35, e-mail: info@basko.ru

Подписано в печать 12.05.2016. Бумага ВХИ 80 г/м^2.
Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 6,4.
Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т 8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, 42, корп. 5,
комн. 6, тел.: (495) 221-89-90

9 785913 563293